

9(с 14) Кр
К 532.

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ ПО ИСТОРИИ РОДНОГО КРАЯ

ЧАСТЬ

1

ПЕНЗЕНСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
им. В. Г. БЕЛИНСКОГО

ПЕНЗЕНСКИЙ ИНСТИТУТ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
УЧИТЕЛЕЙ

g(c14)кр
к 532

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ ПО ИСТОРИИ РОДНОГО КРАЯ

ЧАСТЬ I

ДЛЯ 7-го КЛАССА

ГБУК
«ПЕНЗЕНСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА»

492653

ПЕНЗЕНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1963

«Книга для чтения по истории родного края» (часть I) предназначена для домашнего чтения учащихся седьмого класса Пензенской области. Очерки и рассказы, помещенные в ней, помогут читателям представить ярче исторические события, происходившие в нашем крае, связать их с общим ходом исторического процесса в стране, ближе познакомиться с жизнью и деятельностью замечательных людей, вышедших из Пензенского края, и, в конечном итоге, лучше освоить школьный курс отечественной истории.

Книга рассчитана также и на то, что она может быть использована и преподавателями истории как на уроках, так и в кружковой внеклассной работе.

«Книга для чтения» содержит разнообразный материал: очерки, рассказы, отрывки из художественных произведений, в которых отражена история края, а также схемы и карты. Весь этот материал сгруппирован в три раздела соответственно разделам программы по истории для седьмого класса:

1-й раздел — «Наш край в древности»;

2-й раздел — «Наш край в эпоху феодализма»;

3-й раздел — «Наш край в период зарождения и развития капитализма». (Материалы, рассказывающие о развитии Пензенского края в годы Советской власти, собраны в следующей книге—ч. II).

В конце книги даны примечания, адресованные преподавателям истории. В них приводятся некоторые справки, библиографические сведения и методические указания по каждому очерку или рассказу.

Из массы материалов по истории Пензенского края авторы стремились отобрать наиболее важное и яркое в пределах школьной программы по истории. Насколько им это удалось, будет прежде всего судить учительство нашей области. Авторский коллектив, благодарный за все отзывы, поправки и предложения, просит направлять их в институт усовершенствования учителей (г. Пенза, ул. Карла Маркса, 5) или на кафедру истории Пензенского пединститута (г. Пенза, ул. Садовая, 37).

Авторы-составители.

НАШ КРАЙ В ДРЕВНОСТИ

В незапамятные времена земля нашего края была дном огромного моря, которое расстиралось от Урала до Карпатских гор.

Потом суша поднялась, море отступило, и на его месте постепенно стали появляться растительность, животный мир и, наконец, человек.

Полмиллиона лет назад в нашем крае, как и на всей восточно-европейской равнине, был мягкий и теплый климат, богатая и разнообразная растительность, похожая на растительность теплых стран.

Когда с севера на Европу и Азию стал надвигаться ледник, огромная, больше двух километров высотой, ледяная стена прошла с севера на юг по всей западной половине нашей теперешней области. Сильное похолодание изменило растительность и животный мир: появились звери, которые водятся в холодном поясе: олени, медведи, мамонты.

Около ста тысяч лет длилось время оледенения, а потом ледник стал отступать к северу, и наш край тоже освободился от ледяного покрова. Климат потеплел, растительность стала примерно такой же, как теперь: выросли дубовые и березовые леса; олени и мамонты ушли на север.

Ученые-археологи открыли в нашем крае остатки поселений первобытных людей, которые жили примерно пять тысяч лет назад. На берегу реки Суры, недалеко от Пензы, у деревни Гусевки и возле села Атмис Нижне-Ломовского района, в Лунинском районе—близ села Аришки и в Земетчинском районе—у озера Инерка обнаружены стоянки первобытных людей: найдены каменные топоры, кремневые ножи, скребки и сверла, а также крем-

невые наконечники копий и стрел, костяной гарпун, остатки глиняной посуды и другие предметы.

Люди жили в это время большими родами в 200—300 человек. Во главе каждого рода стояла мать. Около трех тысяч лет назад, как показали раскопки археологов, первобытные люди уже умели выплавлять металл; сначала медь, потом бронзу (сплав меди и олова).

В нашем крае открыто много древних поселений «бронзового века» по берегам рек Суры, Пензы, Мокши; Атмиса. Здесь найдены бронзовые топоры, ножи, украшения, а также глиняные огнеупорные формочки (сосуды) для выплавки бронзы. Были обнаружены и каменные мотыги—свидетельство того, что уже три тысячи лет назад в нашем крае начинает распространяться мотыжное земледелие.

Железо появилось значительно позже, в первые века нашей эры. При раскопках древних погребений у Селяксы, близ Пензы, и у села Армиево в Шемышейском районе, обнаружили железные копья, ножи, наконечники стрел, железные топоры, удила и т. д. Найдены следы гончарного и кузнечного ремесел. Однако главным занятием жителей края в это время было скотоводство. Об этом говорит множество костей домашних животных: коров, лошадей, овец, свиней. Родовой строй переживает изменения: с появлением бронзы, с развитием скотоводства в хозяйстве главную роль начинает играть мужчина, и во главе рода становится отец.

В первые века нашей эры на восточно-европейской равнине сложились объединения многих родов—племена; в бассейнах Волхова, Днепра, Оки расселились славянские племена, а в нашем крае по берегам Суры и Мокши обосновались мордовские племена. Это и были коренные насельники края.¹

Когда славяне перешли к феодальному строю и образовали свое древнерусское государство — Киевскую Русь, более отсталые мордовские племена жили еще родовым строем и государства у них не было.

В VII веке мордовские племена были покорены хазарами и платили им дань. А когда хазары были разбиты русским князем Олегом, а потом окончательно разгромлены Святославом — мордовские племена освободились

¹ Первое упоминание о мордве находим у готского историка Иордана, жившего в VI веке.

от подчинения хазарам и часть из них стала платить дань Киевскому князю; об этом говорит летописное известие XI века.

К северо-востоку от мордовской земли была расположена Волжская Булгария. Торговый путь из Киева на Волгу проходил через наш край. Постепенно шло сближение мордвы со славянами. Под влиянием славян мордовское население все шире начинает заниматься пашенным земледелием, которое в XII—XIII веках становится главным занятием мордвы. Первобытно-общинный строй изменяется: не родовыми, а соседскими общинами стала жить мордва. Возникает неравенство, выделяются богачи, появляются первые князья. Происходит переход к феодальным порядкам.

В XIII веке на Русь обрушились татарские орды, они подчинили огромные территории, и наш край вошел в состав Золотой орды.

НАШ КРАЙ В ПЕРИОД ФЕОДАЛИЗМА

БИТВА НА РЕКЕ МОКШЕ

Весной 1236 года татаро-монгольские орды хана Батыя двинулись из азиатских степей на запад. Все знойное лето они провели в пути и лишь осенью вышли к Волге. «От множества войск земля стонала и гудела, а от многочисленности и шума полчищ столбенели дикие звери»,—повествует один из современников тех событий.

Наступила зима, когда татаро-монголы вошли на землю мордвы. С оружием в руках встретил мордовский народ восточных завоевателей. Как пишет в «Сборнике летописей» арабский историк Рашид-ад-дин, в зиму 1236/37 г. войска хана Батыя «занялись войной» с мордвою. Несмотря на отчаянное сопротивление, разрозненные мордовские отряды были разбиты. Однако с продвижением татарских орд на Русь мордва вместе с другими народами Среднего Поволжья подняла восстание против своих поработителей. Оно длилось до 1242 года и было столь сильным, что хан Батый послал на его подавление большие силы во главе с самым опытным и жестоким военачальником Субудаем.

Героическая борьба мордовского народа с татаро-монгольскими поработителями воспета во многих легендах. Вот одна из них, записанная краеведом М. Е. Афиногеновой от наровчатского старожила В. С. Фудина: «...Жила мордва, и правила ея вдовая княгиня Нарчатка. Мордва охотилась, землю обрабатывала в лесах, бортни с пчелами водила помногу. Но пришла лихая година—татары пришли воевать мордовскую землю. Не сробела княгиня, собрала свое мордовское войско и вышла

воевать с татарами. Сильно и долго бились-сражались. Дело было зимой, сражались на льду, на реке Мокше. Одолели татары мордву.—почти все мордва полегли. Как увидела Нарчатка, что погибло ее войско, не смогла стерпеть и бросилась с конем в прорубь. И утонула».

Имя Нарчатки не встречается в официальных документах. Оно является таким же легендарным, как имена Ильи Муромца, Садко, Добрыни Никитича и других. Много легенд бытует о ней. В них отражена память народа о неравной, но доблестной битве мордвы с татаро-монгольскими завоевателями.

НА СТРАЖЕ РОДНОЙ СТРАНЫ

На Приволжской возвышенности, там, где берут начало реки Хопер, Арчада и Атмис, сохранился участок никогда не паханной степи, которая в документах XVI века называлась «диким полем ковыля». Четыреста лет назад такая пустынная степь беспредельно простиралась на огромной территории, от соленых вод Каспийского моря на юге до дремучих лесов Мордовии на севере.

Красивы ковыльные степи. «Сочными, пышными, высокими травами и цветами покрыта их черноземная почва, — рассказывает большой знаток их, писатель С. Т. Аксаков.—Осенью ковыльные степи совершенно изменяются и получают свой особенный, самобытный, ни с чем не схожий, чудный вид: выросшие во всю свою длину и вполне распустившиеся, перлово-сизые волокна ковыля при легком дуновении ветерка уже колеблются и струятся мелкою, слегка серебристою зыбью. Но сильный ветер, безгранично властвуя степью, склоняет до пожелтевших корней слабые, гибкие кусты ковыля, треплет их, хлещет, рассыпает направо и налево, бьет об увядшую землю, несет по своему направлению, и взору представляется необозримое пространство, все волнующееся и все как будто текущее в одну сторону».

Именно такая ковыльная степь и подступала с юга к Сурско-Мокшанским лесам. Подобно огромному морю, она врезалась в лесные массивы, затопляла все безлесные пространства и тонкими нитями уходила далеко на север, как бы образуя естественные дороги.

Для местного населения это были дороги слез и крови, ибо по ним вторгались крымские и ногайские татары, жгли здесь мирные мордовские села, уничтожали пашни, угоняли в рабство юношей и девушек.

В XVI веке через территорию нынешней Пензенской области проходили две такие дороги: Крымская и Ногайская. Первая шла из Крымского ханства в Казанское, мимо современных городов Н. Ломова, Атемара и Корсуна. Вторая—из прикаспийских кочевий Ногайской орды в Москву, вдоль левого берега р. Суры.

Как только Пензенский край вошел в состав Русского государства (а это случилось в середине XVI века), здесь для наблюдения за «диким полем», а прежде всего за Крымской и Ногайской дорогами, правительством Ивана Грозного учреждается пограничная служба. В степь были направлены «сторожи» и «станичники». Всего было пять «сторож». Каждая из них состояла из шести человек. Первые две сторожи разъезжали вдоль реки Шукши между Сурой и Мокшанским лесом. Они охраняли Ногайскую дорогу. Другие две находились на р. Ломове и в районе истоков Вада, Буртаса и Ломова, контролируя тот степной участок между Мокшанским и Шацким лесами, где проходила Крымская дорога.

Последняя «сторожа» стояла в районе нынешнего г. Корсуна Мордовской АССР. Это был наиболее опасный участок, так как здесь сходились Крымская и Ногайская дороги.

Во второй половине XVI века в помощь «сторожам» создаются «станции». Станичники разъезжали вдоль рек Суры, Вада, Буртаса, Вороны и жгли в степи траву, затрудняя тем самым продвижение вражеской конницы.

До нас дошел «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе», составленный в 1571 году. В нем сказано, что сторожи и станичники поставлены в степь для того, чтобы «устеречь» крымских и ногайских «воинских людей», чтобы они «на государевы украинны¹ войною безвестно не приходили». Вот почему им нужно располагаться не в лесу, а в степи, «не сседая» с коня.

Надзор за степью начинался ранней весной и длился до тех пор, пока ее не покрывал снежный ковер. На службу сторожевые отряды выезжали только на доб-

¹ То есть на границу государства.

рых конях и две недели бессленно разъезжали по своему участку. При этом требовалось, чтобы на одном месте сторожа долго не задерживались.

«...Огня в одном месте не класти дважды; а в коем месте: кто полднилал, и в том месте не ночевати».

Если в степи замечался противник, то один из сторожей оставался на месте, а другой мчался к соседним сторожам или в ближайший город и сообщал об опасности. Через две недели сторожа сменялись. Если при этом оказывалось, что некоторые из сторожей несли службу «неусторожливо», не доезжали «до урочищ», то их сурово наказывали—пороли кнутами. Смертная казнь ждала тех, кто, не дождавшись смены, уезжал из степи. Но таких было мало. Несмотря на крайне тяжелые и суровые условия несения военной службы, русские сторожа и станичники оставались преданными своей Родине. Это изумляло иностранцев.

В 50-х годах XVI века Русское государство посетил англичанин Ченслер. Он написал записки под названием «Книга о великом и могущественном царе». Говоря в ней о русских воинах, он пишет: «Я думаю, что под солнцем нет людей, способных к такой суровой жизни, которую ведут русские. Хотя они проводят в поле два месяца, когда промораживает землю уже вершка на 2 вглубь, но простой солдат не имеет ни палатки, ни чего-нибудь иного над своей головой; обычная их защита против непогоды—войлок, выставляемый против ветра и непогоды; когда навалит снегу, солдат огребает его, разведет себе огонь, около которого и ложится спать. Так поступает большая часть из них, исключая дворян, доставляющих себе на собственный счет другие припасы. Но и такая жизнь в поле не так удивительна, как их крепость: каждый должен добыть и привезти провизию для себя и своей лошади на месяц или на два; сам он питается водою и овсяною мукой, смешанными вместе, лошадь его ест зелень и ветки и т. п. Несмотря на все это, русский работает и служит очень хорошо. Спрошу я вас: много ли найдется между нашими хвастливыми воинами таких, которые могли бы пробыть с ними в поле хотя бы один месяц?»

Не знаю ни одной страны около нас, которая славилась бы такими людьми...»

ЗАСЕЧНЫЕ ЧЕРТЫ

Если идти вдоль пензенских рек Вала и Ломова, невольно обратишь внимание на длинный, временами пропадающий земляной вал со рвом. Когда и для чего он насыпан? Старожилы толкуют разное.

«Вал построил Емельян Пугачев», — говорят одни.

«Это грань владений разбойника Кудеяра, — скажут вторые и обязательно добавят: клад там зарыт».

«Остатки древней пограничной линии», — считают третьи.

Кто прав?

Правы последние. Действительно, этот длинный вал является составной частью так называемой «засечной черты». Ему свыше 300 лет.

...Наступил XVII век. Территория Пензенского края по-прежнему являлась юго-восточной пограничной областью Русского государства и охранялась отрядами из сторожей и станичников. Эти отряды были небольшими, а потому не могли оказать должного сопротивления огромным кочевым ордам крымских и ногайских татар, совершавших постоянные грабительские набеги. Требовались пограничные укрепления, способные остановить или задержать вражеские орды. Вот почему русское правительство решило провести вдоль границы «черту» — непрерывную укрепленную линию. Она называлась «засечной», потому что большую часть этих укреплений составляли «засеки» — завалы из срубленных («сеченых») деревьев. Они делались с таким расчетом, чтобы через них невозможно было перебраться вражеской коннице. Когда кончался лес, «засеку» сменяли полевые укрепления, состоящие из земляного вала со рвом, «надолб» — вбитых в землю бревен, «острогов» — небольших крепостей.

Вот такую-то «черту» и было решено построить на южной русской границе. Последовал царский указ Михаила Федоровича, повелевавший провести «черту» на целых 956 верст: от р. Псла на западе до Волги на востоке!

«...И по черте построить города, а промеж городов по полям земляной вал и рвы, и остроги, и надолбы, а в лесах засеки и всякие крепости, чтоб на его, государевы украины теми местами татарского приходу не было».

Согласно этому указу в 1636 году были построены Тамбов, Козлов, Керенск (ныне Вадинск), Верхний и Нижний Ломов, а в 1638—1641 гг.—Атемар, Саранск, Инзерский и Шешкеевский остроги. Это создало довольно прочную защиту от набегов кочевников. Но постройка одних городов и острогов—половина дела. Необходимо было соединить их линией полевых и лесных укреплений.

В 1645 г. был издан новый указ царя Алексея Михайловича. Он гласил: «По черте построить прибавочные города и населить большим многолюдством и земляной вал устроить больше прежнего...»

Работы начались тотчас. На них было мобилизовано все местное население. Каждые пять крестьянских дворов обязаны были выделить «деловца»—работника, наделить его топором, лопатой, киркой, подводой и отправить на строительный участок. Работали с ранней весны до зимы. Нередко на «деловцев» нападали ногайские татары, убивали их или угоняли в рабство.

Труд «деловцев» был крайне тяжелым и изнурительным. Ведь требовалось на многие десятки километров, порой в безводной местности, вырыть ров десятиметровой ширины и пятиметровой глубины, насыпать и утрамбовать вал, укрепить его тыном, построить сторожевые башни и остроги. В лесу надо было валить толстые деревья... Потом и кровью полит каждый метр «засечной черты».

Чертю строили с запада на восток. От Шацких лесов ее повели по реке Ваду к Толковке — притоку р. Ломов. Этот участок назывался Керенской засечной чертой по ее главной крепости Керенску (ныне село Вадинск Пензенской области). До сих пор у сел Большая Лука, Вадинск, Кармалейка, Ягановка, Скуратово, Коповка заметны остатки древнего пограничного вала. В лесу между Вадинском и Кармалейкой он и поныне сохранился чуть ли не в первоначальном виде. Здесь высота вала со дна рва достигает 5 м 40 см. Интересно и другое место; у деревни Пеньки (недалеко от Вадинска) на высокогорье и сейчас еще видны остатки «городка» — небольшого наблюдательного пункта, обнесенного валом и рвом.

От Толковки, вдоль левого берега р. Ломова, через Верхний и Нижний Ломовы до р. Мокши шла Ломовская «засечная черта». Вал этой черты сохранился до наших

дней. Наибольший интерес представляет участок вала от р. Нижнего Ломова до р. Мокши, где находились четыре «городка», пятиугольные в плане площадки, защищенные земляной насыпью и рвом. Уцелели лишь два из них: у Нижнего Ломова и близ Прянзерского пенькоза-вода.

Почти два десятилетия ушло на то, чтобы претворить в жизнь план построения гигантской «черты» без малого в тысячу верст! Последние работы закончились лишь в 1654 году.

Три века минуло с того времени. Но до сих пор можно видеть следы засечной черты: валы и рвы, основания сторожевых башен и острогов—немых свидетелей тяжкого труда «деловцев», создавших замечательный памятник древнерусского военно-инженерного искусства.

ПЕНЗЕНСКИЙ ЧЕРКАССКИЙ ОСТРОГ

В 1765 году в Пензу прибыл подполковник А. Свечин—образованный человек, увлекавшийся историей, географией, экономикой.

Он был крайне удивлен, увидев в Пензе много украинцев или, как их тогда называли, черкас. Они жили в слободе под горой, около слияния рек Пензы и Суры. Сколько ни расспрашивал подполковник о том, когда и как попали они в этот отдаленный от Украины город — никто путного ничего не сказал.

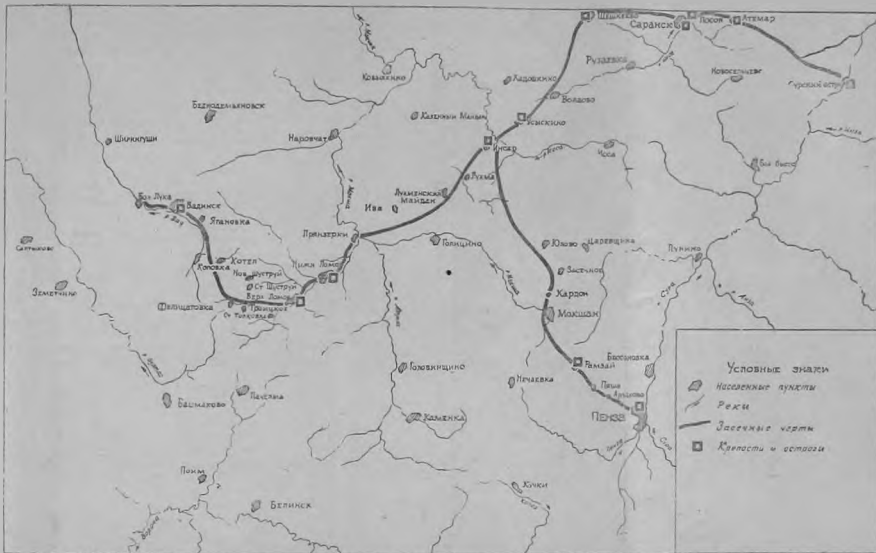
В XIX веке среди краеведов вновь разгорелись споры о пензенских черкасах. Появилось мнение, что украинцы поселились здесь до построения Пензы. Но когда?

Предположили, что это произошло во времена правления Ивана IV. Когда же обратились к документам, то стало ясно, что это мнение далеко от истины. Ни в одном из них не было встречено упоминаний об укрепленном сторожевом пункте при слиянии рек Пензы и Суры. Загадка осталась неразрешенной.

Так было до тех пор, пока в руки ученых не попали рукопись 1665 года «Строельная книга города Пензы» и документы по истории Украины XVII века.

... В первой половине XVII века Украина стояла под гнетом польско-литовской шляхты. В 1648 г. украинский народ под руководством Богдана Хмельниц-

ЗАСЕЧНЫЕ ЧЕРТЫ ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ

кого начал героическую освободительную борьбу с польскими захватчиками. Разгорались упорные битвы. Польско-литовские каратели уничтожали целые села, убивали и сжигали тысячи людей. Чтобы спасти население Правобережной Украины от полного уничтожения, Богдан Хмельницкий обратился к русскому правительству с просьбой разрешить украинцам (или черкасам) переселиться с Литовской стороны «на вечное житье» в Русскую сторону. Русское правительство согласилось. Переходы украинцев в Русское государство особенно участились после приказа Богдана Хмельницкого 1651 г. В нем говорилось: «...черкасом и мещаном и всяким людем белорусцом из-за Днепра жон своих и детей... перевозить на русскую сторону для того, чтоб их татаровя и ляхи не побивали, и не грабили, и в полон не имали».

Если украинцы переходили небольшими партиями, их селили в южных пограничных городах, а если «многими людьми» — то направляли «степью в Сибирской и в иные города, которые к Волге подались», т. е. в те крепости и остроги «засечной черты», которую только что довели до Волги. Здесь черкасы либо зачислялись в состав деловцев, либо становились конными и пешими казаками. Они наравне с местным населением строили «засечные черты» и несли пограничную службу.

В 50-х годах XVII века группа украинцев поселилась при впадении реки Пензы в Суру. Поселилась не случайно: здесь проходила Ногайская дорога, шедшая из Ногайской орды вдоль левого берега р. Суры к Москве. Украинские казаки расположились так, что запирали вход в Сурскую долину. Это был авангардный пограничный пункт. Вот почему это селение в документах значится не иначе как «городок» или «острог». Небольшая крепость была построена из толстых бревен и, как видно из событий 1680 года, смогла выдержать жестокий штурм татарских орд.

К 1666 году в Черкасском остроге числилось 200 семей. По тому времени это был большой пограничный пункт. Расположенный более чем на 100 км южнее Атемаро-Саранской сторожевой черты, он играл важную роль в защите юго-восточной границы Русского государства. Однако правительство ясно понимало, что один Черкасский острог не сможет выдержать многочисленные

набеги татар по Ногайской дороге. Вот почему оно принимает срочные меры к постройке здесь новой крепости и новой линии пограничных укреплений.

КРЕПОСТЬ НА РЕКЕ ПЕНЗЕ

В начале 60-х годов XVII века в район слияния рек Пензы и Суры прибыла специальная правительственная комиссия, посланная царем Алексеем Михайловичем. Она тщательно осмотрела окрестности и определила место закладки новой крепости. Им оказался восточный пологий спуск горы к речке Пензе, в трех километрах южнее Черкасского острога. Скоро здесь застучали топоры деловцов, присланных из разных городов государства. Крепость была построена к 1665 году. Вот как описывает ее подполковник А. Свечин в своих путевых заметках, написанных сто лет спустя: «...городовое укрепление сделано стоячее, на подобие острога, из весьма толстого дубового дерева; по углам и в середине оногосьемь башен, сделанные по тогдашнему обыкновенно, коего во окружении 413 сажень¹ и один аршин²; около оногоров, ширины не меньше пяти, а глубиною двух сажень». Крепость располагалась в том месте Пензы, где сейчас находится Советская площадь и Лермонтовский сквер. Внутри крепости находились небольшой деревянный собор, воеводский дом, приказная изба, амбары для хранения боеприпасов и казенного имущества, караульные помещения. Из сдаточной ведомости пензенского воеводы за 1701 год видно, что в крепости имелось 11 железных и медных пушек, 182 пуда³ 7 фунтов⁴ ружейного и пушечного пороху, 239 пудов 4 фунта свинца, 885 пушечных ядер, 69 пудов ружейных и пушечных фитилей.

Вновь построенная крепость была вверена воеводе Елисею Протасьевичу Лачинову. Ему предстояло сделать многое: построить около крепости посад⁵ и слободы⁶, за-

¹ Сажень—1,4 метра.

² Аршин — 71,1 сантиметра.

³ Пуд—16 килограммов.

⁴ Фунт—400 граммов.

⁵ Посад—ремесленно-торговая часть русских феодальных городов X—XVIII веков.

⁶ Слобода—вид поселений в феодальной России XI—XVIII веков, пользующийся временным освобождением от уплаты налогов.

штитить их внешним оборонительным поясом, расселить присланных сюда посадских и служилых людей, наделить их землей и, наконец, провести линию пограничных поселений от Пензы на север по Сурской долине, чтобы окончательно обезопасить Ногайскую дорогу. Все эти мероприятия были выполнены в очень короткий срок, о чем свидетельствует «Строельная книга города Пензы» (1665 г.).

За северными стенами крепости, на склоне горы, там, где в настоящее время расположены Кировская и Московская улицы г. Пензы, раскинулись дома посадских жителей. В них жило 38 семей.

Слобод было шесть: три южных и три северных. Пушкарская, Старо-Драгунская и Пешая слободы располагались там, где в настоящее время проходят улицы Замойского, Гоголя, Калинина, Богданова, Куйбышева, и защищали южные подступы крепости — от реки Пензы на востоке до леса, подступившего к городу на западе.

Севернее посада находились Ново-Драгунская, Конная и Черкасская слободы. Последняя состояла из жителей Черкасского острога, причисленного теперь к новому городу. Как северные, так и южные слободы были защищены валом с бревенчатым тыном и рвом. Там, где подходили дороги, стояли заставы. На севере находились Московская и Ломовская заставы, на юге—Тамбовская. Последняя сохранила свое название до сих пор. Это место у каменных столбов на Тамбовской улице. У Тамбовской заставы еще заметен вал, тянувшийся на запад к лесу по Первомайской улице.

Согласно «Строельной книге города Пензы», в крепости насчитывалось 594 пеших и конных казаков, пушкарей, городских воротников и сторожей да при них 793 родственника, не считая женщин. Если учесть, что в то время гарнизон Царицынской крепости состоял из 425 человек, а Саратовской—из 327, то нетрудно заключить, какое значение придавалось Пензе. Это была крупная крепость, предназначенная прежде всего для защиты Ногайской, или Большой Посольской, дороги. Вот почему крепость расположена на горе, откуда хорошо просматривается местность. Ее построили умело, с учетом естественных препятствий. С востока ее защищал обрывистый берег реки Пензы, с юга—болотистая низина (там, где

в наши дни расположен район Южная Поляна), с запада—вековой лес «Шеллим-бор», а позднее—«Засека». Подступы с севера защищал Черкасский острог. Весь город узкой лентой вытянулся с севера на юг, заняв все пространство между речкой Пензой и лесом, заперев тем самым вход в Сурскую долину, по которой шла Старая Ногайская дорога. И это не все. В 1665—1666 гг. от Пензы по долине р. Суры в сторону Саранской крепости (до с. Большого Вьясса) была проведена своеобразная оборонительная черта. В отличие от других, она не имела полевых укреплений, а состояла из цепочки военных поселений. Их было тринадцать. Теперь Ногайская дорога была надежно защищена. В апреле 1668 года кочевники сделали попытку прорваться по ней, но натолкнулись на мужественное сопротивление пензенцев. Не сумев взять Пензу, они повернули обратно.

Так как Сурская дорога оказалась защищенной, то ногайцы стали использовать другой лаз—степной коридор между Пензенским и Мокшанским лесами. Именно здесь в мае 1668 года станичники заметили «воинских людей». Необходимо было укрепить это место.

В 1676 г. последовал царский указ: «...от города Пензы до Ломовской засеки для приходу воинских людей (ордынцев) сделать вал и острожки и поселить слободы». Работа длилась четыре года. Присланные сюда деловцы повели «черту» от Пензы на Инсар. Их охранял специальный отряд саранского воеводы Языкова, направленный в степь «для бережения пензенского валового и засечного дела от воинских людей». В лесу, что западнее Пензы, была сделана «засека», а в степи до Мокшанского леса—прорыт ров и засыпан вал. На наиболее опасных местах построили крепость Мокшан и Рамзайский острог, а между ними—две сторожевые вышки. Мокшанский лес тянулся почти до Инсара. Здесь шла засека, которую охраняли сторожа, жившие в слободах Засечная и Юловская. От Мокшанского леса до р. Иссы опять шел вал.

Шведский офицер Страленберн в XVIII в. в своих путевых записках отмечал, что по всему валу «между городом Пензою и Инсаром» еще сохранился «частокол».

Кочевники прилагали немало усилий, чтобы сорвать строительство «черты». В 1680 г. на Пензу обрушился трехтысячный отряд ногайцев, башкир, калмыков, «азов-

ских людей». «К городу Пензе те воинские люди весь день приступали с лучшим и огненным боем...» Однако взять крепость они не смогли и были вынуждены снова отойти «в степь на Крымскую сторону».

Чтобы обезопасить участок восточнее Пензы, правительство решило провести новую засечную черту от Суры на восток до Волги. По царскому указу, в 1681 г. «на проходное место для сбережения от приходу воинских людей» на р. Юлово (Луевку) — правый приток Суры — из Саранска для засечной сторожевой службы были посланы служилые люди. Они поселились в районе бывшего Городища (ныне Городище Пензенской области), образовав здесь две слободы.

В 1684 г. на р. Волге была построена крепость Сызрань. Отсюда потянулась цепочка военных поселений к Налуевской слободе. Так как между Пензой и Сызранью находился огромный Засурский лесной массив, то необходимости в больших укреплениях здесь не было. Этот участок в основном охранялся засечными сторожами.

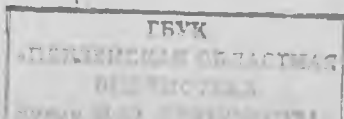
Последним мероприятием правительства по укреплению Пензы явилась постройка Петровска и Большой Сердобы (ныне г. Сердобск). В немалой степени этому способствовал набег кочевников на пензенские места в 1693 г. В 1696 году царским указом было велено «на р. Медведице сделать город, чтобы впредь в украинные города... села и в деревни, которые поселились вновь за чертою Симбирскою и Пензенскою и Ломовскою... воинские люди не приходили и разорения никакого не чинили». Согласно ему, в 1698 году и была построена Петровская крепость, а в 1699—1700 гг. — военная слобода на р. Сердобе.

Жизнь первых поселенцев была трудной и опасной. «Бывало, — рассказывал в начале прошлого века один петровский¹ старик, — подем в поле на работу: вдруг сторожевые на башнях выставляют знак на длинных шестах, или бьют в набат, извещая, что едут кубанцы.² Мы с поля опрометью домой: запираем ворота крепости, насыпаем их землю, стреляем с башен из пушек, ружей и луков. Враги... поездят вокруг крепости и удалятся».

Создание укреплений южнее Пензы и взятие русски-

¹ То есть житель г. Петровска.

² Кубанцами назывались кочевники, селившиеся в районе р. Кубани, в основном это были ногайские татары.

ми войсками Азова заметно обезопасило Пензенский край. Набеги ногайских и крымских татар сократились. Последнее крупное вторжение сюда было в августе 1717 года. Как гласят документы, «кубанцы» «не малым собранием» ворвались в пензенские места, где «села и деревни разорили... людей в полон побрали, а других порубили».

Большой героизм в борьбе с «кубанцами» проявили жители Рамзайского острога, Мокшана, Пензы. Рамзайцы бились до последнего, но не сдались. Степняки жестоко расправились с теми, кто остался жив, а сам острог сожгли. Очевидец тех событий Сулейман Колмететов рассказывал саранскому воеводе Аристову: «Рамзайский острог весь выжжен и всякого чину людей мужского полу поколото и позжено человек с 400...»

Четыре дня длился штурм Пензы. Крепостные стены защищали все, от старого до малого. Были моменты, когда город вот-вот мог перейти в руки ногайских татар. Но этого не произошло. В смертельной схватке пензенцы отстояли крепость.

Не сумев взять Пензу, ногайские татары, пограбив мирные села, отошли по р. Хопру на юг.

Осенью 1717 года они собирались было повторить набег. Но не дремало и правительство. Между Пензой и Саратовом «для береженья от приходов татарских» оно приказало стать военным лагерем отряду под командованием Кропотова. «А для посылок и разъездов, — отмечается в указе, — дать тому Кропотову донских казаков 500 человек, да и самому войсковому атаману со всеми казаками об оном с ним, Кропотовым, сноситься и к воинскому промыслу быть во всякой готовности».

Выполнение намеченных мероприятий сорвало замыслы ногайских татар.

В 1718 г. было начато строительство новой засечной черты между Волгой и Доном. Через два года работа была закончена. Был вырыт ров и насыпан вал, по которому разместились крепостцы: Мечетная, Грачевая, Осокорская и Донская.

С постройкой этой черты набеги татар в Среднее Поволжье прекратились.

НАЧАЛО ПОМЕЩИЧЬЕГО ГНЕТА

С включением Пензенского края в состав Русского государства сюда проникли и первые помещики. Они стали городские воеводы и военачальники. За несение службы они получили земельные оклады, которые сначала были небольшими, но затем быстро росли.

Не довольствуясь отведенными земельными окладами, помещики самовольно делали прирезки земли. Об этом откровенно заявил керенский воевода Кугушев. В письме к царю Алексею Михайловичу он писал, что «керенские земли были издревне мордовские и татарские», а сейчас «те земли розданы помещикам».

Помещичьи земли обрабатывались руками закрепощенного населения. Первыми крепостными были осевшие в крае русские крестьяне, переведенцы из центральных районов государства и беглые.

Все мордовское и татарское население было обложено податями и оброками, различными повинностями. С них брали хлеб, мед, воск, пушнину, шерсть, скот, рыбу, а позднее и деньги. Чтобы достать деньги для выплаты денежного оброка, бедняк обращался за помощью к богатому соседу. Тот давал деньги, но брал за это проценты или требовал отработки. Постепенно бедняк закабалялся. В одном документе сказано, что один мордвин Пиксайка Сиротин за 3 рубля закобалил четырех крестьян. «И жили они у него, мордвина, 15 лет и всякие дела делали в поле и во дворе и за двором».

Поскольку пензенские места являлись пограничными, то на местное население был возложен ряд государственных повинностей по строительству и охране засечных черт. Из мордвы и татар составляли отряды «деловцев». Иногда они просто сгонялись с насиженных мест и зачислялись в список служилого населения.

Именно так было в 1665—1666 гг., когда проводилась линия военных слобод по долине р. Суры от г. Пензы до с. Вьясса. Произвол администрации был настолько груб, что мордовские служивцы в 1679 г. обратились к царю с челобитной (жалобой), в которой писали, что их, темниковских крестьян, воевода Борнеков «по неволе» согнал с земель и зачислил на военную службу. Своеволие же начальников и тяжесть службы привели к то-

му, что они стали «скудны и безлошадны и разорились без остатку».

Зачисленные в службу мордва и татары оказались в очень тяжелом положении. Они вынуждены были и охранять государственную границу и заниматься сельским хозяйством. Это вело их к обнищанию. В донесениях иркутского воеводы Вышеставцева царю Алексею Михайловичу (летом 1671 года) говорится, что «казачьи службы» татар и мордвы по засечным чертам находятся «в пусте», что их «пашни залегли», часть из них «померла», а другие «покиня службы» сбежали.

Рука об руку с помещиками в крае действовали церковники. Последние проводили здесь насильственную христианизацию, призывая мордву и татар к смиреннию и покорности.

В тяжелом положении оказалось не только местное население, но и многочисленные отряды стрельцов и казаков, составленные главным образом из числа переведенцев и ссыльных из центральных районов государства. Военачальники рассматривали их как своих крепостных, заставляли обрабатывать свои земельные участки, выполнять различные работы.

Вот почему, когда в грозный 1670 год в Поволжье раздался клич разинских повстанцев—«в топоры бар и господ»,—крестьяне и военные служивцы Пензенского края тотчас поднялись на борьбу.

В БОРЬБЕ ЗА СВОБОДУ

Пензенский воевода был встревожен. Только что вернувшийся из степи гонец принес страшную весть: повстанческая армия Степана Разина взяла Царицын и движется к Саратову. Что будет? Не дай бог «изменники-казаки», «воры» ворвутся в Саратов. Тогда—беда! Из Саратова «сухой» путь один—на Пензу. От этой мысли бросило в жар. Елисей Протасьевич встал, подошел к окну. День стоял жаркий, безветренный. Солнце пекло так, что, казалось, не было и места, где можно спрятаться от его палящих лучей. Двор пустовал. Лишь у крыльца, высунув язык, часто и хрипло дышал пес. Воеводе вдруг стало жутко. Никого! Вот так и будет, коли

подойдут. Все предадут, все разбегутся, а чего доброго и к «ворам» перейдут—хорошего не жди. Все они—и стрельцы, и казаки, и пушкарки, и черкасы—волком смотрят—волки ждут.

...Слухи о победоносном шествии армии Степана Разина быстро разносились по пензенским селам и деревням. Из уст в уста тайком, а то и прямо вслух пересказывали «прелестные» письма Степана Тимофеевича. Огнем веяло от них. «Здравствуйте, братья. Мстите теперь вашим мучителям, что хуже турок и татар держали вас в неволе. Я пришел даровать вам льготы и свободу. Вы мне братья и дети...

Я иду истреблять бояр, дворян и приказных людей, искоренить всякое чиновничество и власть, установить во всей Руси казачество и учинить так, чтобы всяк всякому был равен».

Как тут не задуматься? Как не откликнуться?..

И народ гудел.

«На Ломове в торгу,—сообщалось правительству в июле 1670 года, — говорят ломовцы все про Стеньку Разина».

Напряженно пролетел август месяц. Повстанческая армия Степана Разина взяла Самару, Саратов, а 4 сентября осадила Симбирск. Среднее Поволжье пылало в огне небывалого пожара крестьянской войны.

Чтобы поддержать стихийные крестьянские выступления, С. Разин из-под Симбирска в разные стороны направил небольшие отряды. В сторону Пензы был послан отряд Михаила Харитоновца. Харитоновцы шли на запад вдоль «засечной черты». Вскоре в их руках оказались Юшанск, Тагай, Корсун, Атемар, Саранск, Инсар. Из Инсара небольшой отряд направился в Наровчат, а остальные—к Пензе. Везде, где бы ни появлялись харитоновцы, местные крестьяне и служилые люди поднимали восстания и расправлялись со своими угнетателями. Так, когда повстанцы подошли к стенам Наровчата, жители подняли восстание. Они схватили ненавистного им «приказного человека с сыном» и бросили их в тюрьму, а «город свой казакам сдали». В Наровчате водворилась народная власть.

Из других документов видно, что крепостные крестьяне пензенского воеводы Е. Лачинова с повстанцами «сложилась за един». Двигаясь к Пензе, они «по селам

и деревням помещиков... побивали и дома их разоряли». 25 сентября отряд Михаила Харитоновича подошел к Пензе. Горожане и служилые люди отказались сражаться с «ворами» и открыли крепостные ворота. Восставшие «на Пензе воеводу Елисея Лачинова да приказной избы подъячего Александра Телепова да соборного попа Луку побили до смерти, а дома де их и иных лутчих людей (т. е. богатых — прим. Л. В.) разорили».

Пенза превратилась в сборный повстанческий пункт. Сюда стекались засечные сторожа, крестьяне—русские, мордва, татары. Из Саратова пришел отряд под руководством бесстрашного сподвижника Степана Разина — Василия Федорова. Объединив силы, Михаил Харитонович и Василий Федоров с войском в 900 человек двинулись на Нижний Ломов. Феодалную знать охватил ужас. Не надеясь на своих людей, ниже-ломовский воевода Андрей Пекин с подъячим в одних рубашках убежали в деревню Раково. Но скрыться от народного гнева им не удалось. Ломовцы нашли воеводу и казнили «изругательною смертью», подняв его на копья. Нижне-Ломовская крепость была взята без боя. Это было 2 октября 1670 года. Тут же, без отдыха повстанцы пошли к Верхнему Ломову. К ним «большим собранием» присоединились и нижнеломовцы. Их возглавляли Васка Нехорошев, сын Шилов, Тишка Петелин, Федька Белых, Ларька Егольников, Ивашка Емельянов. Перепуганный верхне-ломовский воевода Игнатий Корсаков выслал было против повстанцев «по конец казачьей слободы всех градских людей». Но последние сражаться не стали, а присоединились к повстанцам. В крепости был тотчас учинен «казачий круг». Восставшие предали смерти своего воеводу и попа Федора Семенова, наказали плетью неугодных им лиц, захватили государственный амбар, где «государевы грамоты и всякие дела изодрали», избрали своего атамана—Максима Дмитриева и старшину—ломовца Федора Вариводу (Вариводина).

Через неделю, 9 октября, повстанческое войско уже было у стен Керенска. Местный воевода Автамон Безобразов с 300 казаками и стрельцами попытался было организовать оборону. Но эта затея провалилась. Керенские «градские люди» заявили воеводе, что «им битца с казаками не в мочь». Автамон Безобразов был схвачен и по народному решению казнен. Когда в Керенскую

крепость вошли повстанцы Харитонова, на площади состоялось народное собрание. Местные жители избрали своего главу. Им оказался керенский казак Семен Кузнец, а его помощником—Любим Житково.

13 октября в Керенске царило необычайное оживление. Все только и толковали о письме самого Степана Тимофеевича, присланного с гонцом в Керенск, в котором говорилось, чтобы повстанцы собирались «в Шацком уезде в селе Конобеево» с тем, чтобы оттуда «иттить под Москву бояр побивать». В Конобеево хотел прийти якобы «он сам». На народном сходе решили тотчас идти в Конобеево. На другой день «с тысячу человек или больше» были уже там. Конобеево превратилось в боевой лагерь. Сюда стекались «многие дворцовые и помещиковы крестьяне», что «по селам и по деревням... помещиков и вотчинников и их жен и детей побивали».

Не дремало и правительство. В Конобеево были срочно брошены карательные войска. Под Шацком произошла кровавая битва, закончившаяся поражением восставших. Лишь с небольшим отрядом Михаил Харитонов и Василий Федоров вернулись к Ломовам. Они собирались пробиться к Степану Разину. Но ломовцы не отпустили их, а «начали унимать и говорить, мы де под Шацк пойдем всеми головами».

И действительно, как повествует документ, ломовцы и керенцы поголовно поднялись на защиту завоеванной свободы. В короткий срок была создана новая армия под начальством Михаила Харитонова, Василия Федорова и верхнеломовца Михаила Дмитриева. В ней насчитывалось 5 тысяч человек. Из них «донских казаков только всех человек с 40», а остальные «с Ломова, да и с керенских чинов служилые люди и мужики». Боевым лагерем стали в «большом лесу», севернее Керенска. «А в лесу де у них меж Керенки и Алдалева засеки больше, а на засеках де сторожа по сту человек в трех местах».

11 декабря 1670 г. на эти засеки были брошены правительственные войска. Каратели «к тем воровским засекам приступали жестокими приступами». Повстанцы мужественно защищались, однако были вынуждены отойти к деревне Ачадово. Через два дня здесь произошло новое, последнее сражение с правительственными

войсками. Вооруженные чем попало повстанцы сражались до конца. «И приступили, государь, х той деревне твои... ратные люди жестокими приступами, — доносилось царю, — и ис пушек по их... обозу били с третьего часа дня по четвертой час ночи». Особенно отчаянно бились «Керенского города служилые люди и Керенского уезду разных сел и деревень служилые татаровя и мордва». Нелегко досталась карателям эта победа. В донесении царю отмечалось, что многие ратные люди на том бою «переранены тяжелыми ранами, пиками и рогатинами пробиты насквозь, а иные из пищалей и из луков перестреляны».

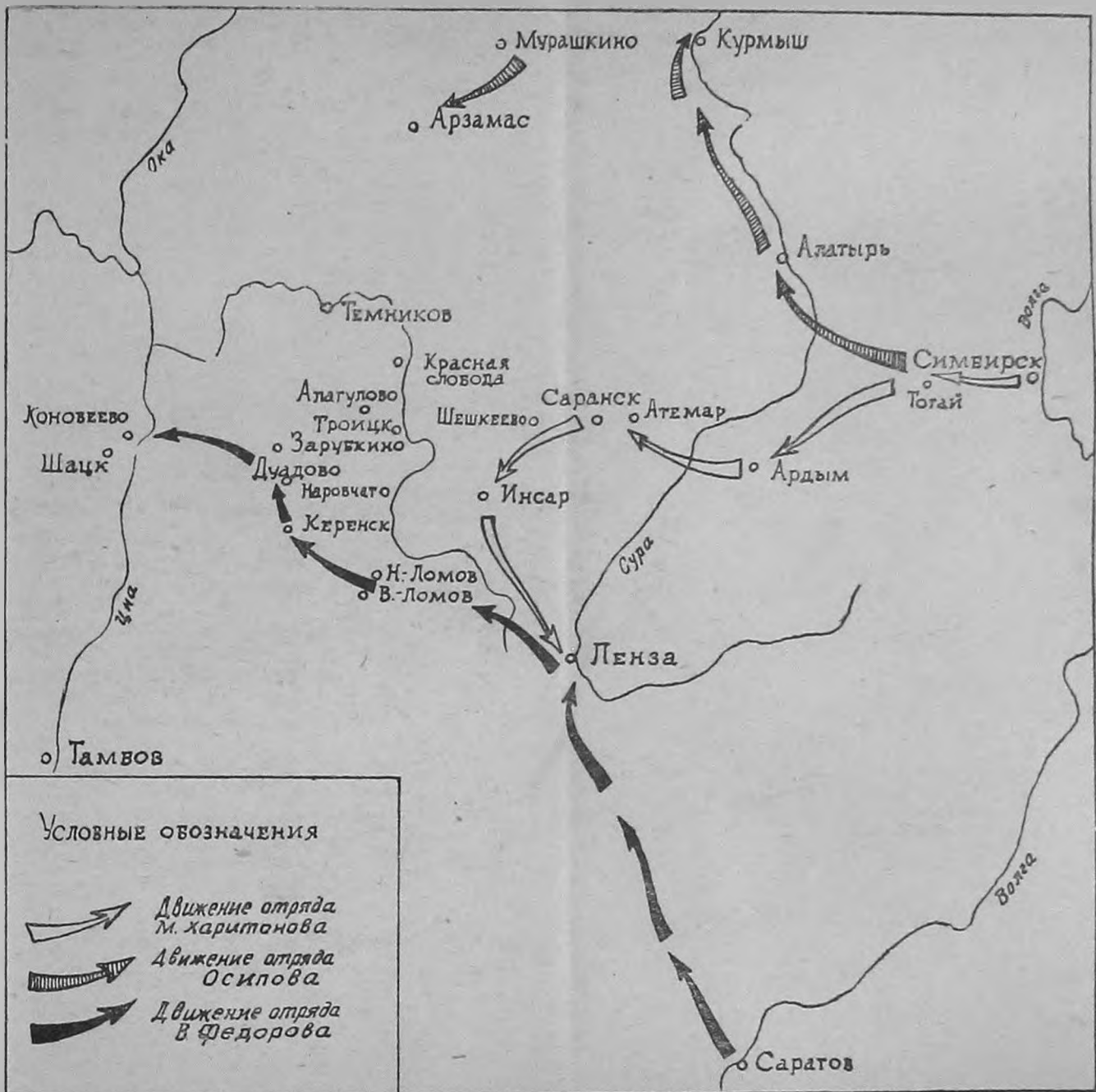
В то время, как одна группа царских карательных отрядов наступала с северо-запада, другая, возглавляемая Юрием Долгоруковым, двигалась с севера. С большим трудом каратели захватили Темников и Красную Слободу. Везде местное население оказывало упорное сопротивление. Так, когда один правительственный отряд по Ломовской дороге подошел к селу Алгуново Ломовского уезда, местные крестьяне вышли навстречу со своим знаменем. Они мужественно сражались за свободу, отказавшись сдаться. В плен было захвачено лишь пять человек, каратели повесили их у Красной Слободы.

Еще отчаяннее защищались жители Троицкого острога. Когда отряды князя Юрия Долгорукова подошли к нему, «многие люди, вышедшие ис Троицкого острогу с пушки и с рогатки, учели с... великого государя ратными людьми битца». Так было повсюду.

Каратели приложили все силы, чтобы «навести» здесь «порядок». Современники оставили описания страшной расправы царских палачей над восставшими: их забивали до смерти плетью, сажали на кол, вешали, топили, четвертовали. Смертью заплатились многие отважные сподвижники Степана Разина. Так, были подвергнуты пыткам, а потом повешены ломовские посланцы к Степану Разину Андрей Бобровников и Михаил Умрихин (Сурихин); зверской пытке подвергнуты Василий Федоров и верхне-ломовский вожак Максим Дмитриев. Последний, как и Степан Разин, был четвертован.

Каратели действовали так рьяно, что после их пребывания села превращались в пепел и пустыри. С циничной откровенностью писал об этом палач князь

ДВИЖЕНИЕ ОТРЯДОВ РАЗИНЦЕВ В 1670 году

Юрий Долгоруков. «А которые де, государь, деревень мордва с твонми... ратными людьми бились, велел те деревни сжечь и воровские люди многие в тех деревнях сгорели».

Долгое время карательные отряды находились во всех городах Пензенского края.

Крестьянская война под руководством Степана Разина явилась одной из первых попыток уничтожения крепостнических порядков. Она показала неисчерпаемую революционную силу народа.

«Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, — писал В. И. Ленин, — но крестьяне все же боролись, как умели и как могли».

ПЕНЗЕНСКИЙ КРАЙ В XVIII ВЕКЕ

Давно ли Пензенский край был диким полем? Давно ли, особенно в южной его части, представлялся он путникам пустынным, небезопасным для проезда: вот-вот налетят нагайцы, убиты или в полон возьмут...

Наступили другие времена. На пензенской земле стало от кочевников безопасно, городов и сел — побольше, людей — много погуще, и прежний край дремучего леса и дикого поля превратился в XVIII веке в земледельческий, но в то же время он все больше становился краем крепостной неволи.

В 1696 году войско царя Петра I овладело Азовом, граница государства передвинулась на тысячи верст южнее — к берегам Азовского моря; половина служилых людей была переведена с Пензенских засечных черт и сторож на новую границу — к Азову. А земли, распаханые ими в Пензенском крае и не тронутые никем еще пространства, Петр начал раздавать своим полководцам и государственным деятелям. Глава дворянского государства, он расширял и укреплял дворянское землевладение, раздавая помещикам тысячи и десятки тысяч десятин земли. И хлынули в Пензенский край богатые и знатные вельможи, обладавшие в других губерниях множеством крепостных душ, которых они и

начали переселять теперь сюда, на жирный пензенский чернозем. Нередко пожалованные царем земли являлись населенными землями, и все крестьянское население переходило под власть новых господ, становилось их крепостными.

Так, Ломовская Слобода с 1289 крепостными душами была отдана во владение двум братьям Головиным—любимцам Петра. Граф Апракин получил деревни Куракино, Петровские Скачки, Спищовку, Чернозерье, Чернозерье-Поле, Мурашку, в которых было всего 1419 душ. Громадная территория, более чем с тремя тысячами душ, стала принадлежать графу Головину (Вазерская слобода, Сандерки-Никольское, Вьясская слобода, Знаменское, Воскресенское, Рождественское, Ильино, Ермоловка, Бреховка). Подобные же владения были у князей и графов Долгоруких, Салтыковых, Трубецкого, Щербатова и других. Большинство сел и деревень в пожалованных им владениях возникло в первое и второе десятилетия XVIII века.

Наряду с вельможами, получило земли также мелкое и среднее дворянство. Они также селили здесь своих крепостных, а новые села и деревни назывались по фамилиям помещиков. Так, во владениях помещика Смагина возникла деревня Смагино; на землях Кологривова—село Кологривово; у помещика Н. Скрябина—село Скрябино-Никольское; от фамилии помещика Крабова произошло название поселка Грабово, Н. Загоскина—село Загоскино, А. Салова—Саловка, И. Лебедева—Лебедевка, В. и К. Пестровых—деревня Пестровка и т. д.

Десятки и сотни селений, возникших в XVIII веке, свидетельствовали о заселении края, о разработке его земель крепостными крестьянами, переведенными сюда из других мест, купленными на месте или пожалованными царем при награждении дворян населенными землями. В течение всего XVIII века шло освоение земель черноземного Пензенского края, шел быстрый рост его крепостного населения: меньше, чем за полвека, оно выросло более чем вдвое; если в 1719 году в крае насчитывалось 175 тысяч крепостных, то в 1766 году—уже 375 тысяч. Некоторые деревни и слободы стали в XVIII веке городами (например, Мокшан, Наровчат, Городище, Чембар и некоторые другие).

В последние десятилетия XVIII века возникли бога-

тые «дворянские гнезда» с великолепными домами-дворцами, построенными по проектам столичных архитекторов руками крепостных. До наших дней сохранился в Тамалинском районе в селе Зубрилово дворец князя С. Голицына—красивое трехэтажное здание со строгими колоннами и легким куполом над зданием. Тогда это была богатейшая помещичья усадьба, теперь—это один из прекрасных санаториев страны.

Примерно в то же время был выстроен и поражал всех, кто его видел, дворец князя А. Ю. Куракина, прозванного за богатство и роскошь «бриллиантовым князем».

На высоком берегу Сердобы крепостные возвели сооружение, напоминающее браслет с драгоценным камнем посредине; этим «камнем» и было высокое центральное здание с колоннами. От главного здания отходят полукруглыми двухэтажные корпуса, составляющие единое целое с ним. Все богаче становились помещики, все разнообразней их причуды и прихоти, и все тяжелей было крестьянам: барщина доходила до четырех, пяти, а кое у кого до шести дней в неделю; оброчные платежи только за вторую половину века выросли вдвое.

Кроме помещиков, большими земельными богатствами и многими крепостными душами владели возникшие здесь монастыри и церкви.

Иным стал и город Пенза. Если вскоре после основания города-крепости в нем насчитывалось всего 632 двора служилых людей да 38 посадских дворов, а населения (по данным «Строельной книги»)—1.387 человек, то в восьмидесятые годы XVIII века в Пензе уже насчитывалось 1.800 дворов и 9 тысяч жителей, в том числе более 600 купцов и около полутора сотен ремесленников с семьями. В городе жило в собственных домах до 200 дворянских семейств.

Пензенская крепость давно уже потеряла свое значение; крепостная стена пришла в ветхость, вал вокруг нее осыпался, никто за ненадобностью крепостные постройки не обновлял, не поддерживал.

Значение Пензы, как города-крепости, отмерло. Зато год от году оживленней проходили в Пензе ярмарки, по Суре плыли суда с хлебом, кожей и другими товарами.

В городе открылись десятки новых лавок, значитель-

но шире распространилось ремесло, появились первые мануфактуры (мыловаренные, салотопенные, лесопильные и другие), которых, правда, было пока еще немного.

К концу XVIII века Пенза стала дворянско-купеческим городом, центром дворянского управления краем.

ДЕТСТВО РАДИЩЕВА

20 августа 1749 года в семье молодого помещика Николая Афанасьевича Радищева родился сын Александр.

У Николая Афанасьевича в Москве был свой дом, однако Радищевы почти не жили в старой столице.

В ста двадцати верстах от Москвы около Малоярославца было расположено небольшое родовое имение Николая Афанасьевича Радищева сельцо Немцово, перешедшее в этой семье уже во многих поколениях от отца к сыну. Гораздо значительнее было другое его имение, которое он получил в наследство от деда по матери.—Верхнее Аблязово, находившееся в северо-западной части тогдашнего Саратовского края;¹ в Немцове за Радищевым числилось около трехсот крестьян, а в Верхнем Аблязове—тысяча триста.

Помещицья усадьба в Верхнем Аблязове стояла у самого села. Старый дедовский дом был невелик и выглядел просто. В середине XVIII века даже довольно богатые помещики вдали от столицы жили без большой роскоши. Из просторных сеней с чуланами и кладовыми обычно можно было пройти прямо в гостиную, в переднем углу которой висели иконы, а посередине стоял дубовый стол, покрытый ковровой скатертью, и на нем пара бронзовых или медных подсвечников с восковыми свечами.

Вокруг стола стояли тяжелые стулья с высокими прямыми спинками; вся мебель была оделана крепостными мастерами. Деревянные стены в то время в провинции еще не обивались дорогими матерчатыми — «штофными» — обоями, и пока дом не состарился, в трещинках, которые появлялись между досками, когда

¹Теперь — в Пензенской области.

жарко топили печи, показывались иногда капельки желтой, приятно пахнувшей смолы.

Николай Афанасьевич не был честолюбив, а служить для того, чтобы составить себе состояние, не имел нужды, так как это оделал за него отец.

«Нет ничего приятнее независимой от начальства, непринужденной и спокойной деревенской жизни», говорили многие дворяне, выходя в отставку, как только служба переставала быть для них обязательной.

Николай Афанасьевич Радищев рассуждал так же. Он навсегда поселился в Верхнем Аблязове и сам стал вести хозяйство.

Помещик был полным господином над крепостными. Они не только должны были работать на его полях, но и отвечали перед ним за все проступки. Помещик мог наказывать розгами или палками—батогами своих людей за каждую оплошность. Можно было высечь крепостного повара за пересоленный суп и горничную за разбитую чашку.

Николай Афанасьевич Радищев, вероятно, так же, как и другие помещики, не сомневался в том, что имеет право строго наказывать крепостных. Но он не злоупотреблял этим правом. Николай Афанасьевич был доброжелателен к людям; о нем сохранилась память, как о помещике, к которому хорошо относились крестьяне.

Во время восстания Пугачева верхне-аблязовские крестьяне укрыли среди своих ребят четверых младших детей Николая Афанасьевича. Сам он скрывался в лесном овраге за несколько верст от имения.

«Ни один из тысячи душ не подумал донести на него, между тем как близкого соседа и родственника его, Дубенского, собственные мужики привели к начальнику бунтовщиков»,—писал много лет спустя один из внуков Н. А. Радищева.

Эти воспоминания косвенно подтверждаются и документами. После того, как Николай Афанасьевич, выйдя в отставку, окончательно поселился в Верхнем Аблязове, не было за двадцать лет ни одного случая побега крестьян из этого села. А у многих помещиков той же местности, жестоко обращавшихся со своими крепостными, крестьяне в эти годы убегали постоянно.

Жена Николая Афанасьевича Фекла Степановна была кроткая, непритязательная, погруженная в заботы

о детях и хозяйстве, женщина. Николай Афанасьевич и Фекла Степановна жили дружно и были привязаны к детям. Их первый сын Александр с теплотой вспоминал потом родительский дом.

Вокруг Верхнего Аблязова простирался плодородный и еще малонаселенный край. Поля перемежались с густым дубовым, буковым и березовым лесом. В лесу было много дичи, а в старых дуплистых деревьях откладывали мед дикие пчелы. Из шести с лишним тысяч десятин, которыми владел Николай Афанасьевич в окрестностях Верхнего Аблязова, на лес приходилось немного меньше половины. Остальную землю, вблизи речки Тютняра, занимали поля и луга.

«Тютнярский чернозем и без уваживания дает богатый урожай», говорили помещики, стараясь побольше захватить или выпросить у казны земли в этих местах. И как это часто бывало на черноземных землях, крестьяне здесь занимались в основном только земледелием. Почти все нужное в хозяйстве они изготовляли сами, однако кустарные промыслы для продажи на сторону не были развиты.

Крестьяне были обязаны работать несколько дней в неделю на помещичьем поле. Это называлось «ходить на барщину». Остальные дни работали на земле, которую барин отдавал в их пользование.

Не было закона, который указывал бы, сколько дней в неделю крестьяне должны работать на помещиков. Помещики, находившие невыгодным изнурять своих крестьян чрезмерной работой, обычно требовали от них трехдневной барщины. Но во многих имениях крепостных заставляли работать на барина четыре или пять дней в неделю. Находились дворяне, требовавшие от крепостных даже шестидневной барщины. О таком помещике соседи иной раз говорили: «Он налагает на мужиков труды, выступающие за пределы сносности человеческой».

Но никто не имел права, да и не хотел вмешиваться в распоряжения, которые помещик отдавал в своем имении.

Судя по всему, что известно о Николае Афанасьевиче, барщина в Верхнем Аблязове не превышала трех дней в неделю. Но, вероятно, и здесь в страду, когда начинала осыпаться рожь на помещичьем поле или надо

было спешно убирать сено на помещичьем лугу, крестьянам приходилось работать на барина в первую очередь.

Живя в Верхнем Аблязове, Саша Радищев постоянно слышал разговоры о крестьянской работе на барских полях.

И в доме, и на дворе усадьбы мальчик с самого раннего детства был окружен людьми, принадлежавшими его отцу.

В Верхнем Аблязове была большая дворня: по переписи 1762 года дворовых числилось двести двадцать девять человек. Потом их стало еще больше.

Горничные девушки прибирали комнаты, чистили платье, накрывали и подавали на стол. Крепостной лакей обслуживал барина и был у него на посылках. Няни безотлучно находились при детях. На кухне стряпал повар или повариха, которым помогали поваренок и девушки-судомойки. Ключница выдавала продукты из кладовой. В хорошей усадьбе должны были быть свой портной и сапожник, свой кузнец и шорник, шивший и чинивший сбрую, свои столяры, швеи, ткачи и ткачихи, ткавшие холст и некоторые другие ткани.

Даже небогатые помещики хвастали: «У меня для всего свои люди. Не кланяться же соседям, чтобы отпустили на время ко мне в дом своего сапожника, ежели мне надобно сшить либо починить обувь. Да и люди мне, почитай, ничего не стоят—хлеб и все прочее ведь свое».

Только немногие слуги жили в барском доме. Но и остальные помещались в усадьбе—в людских избах, в пристройке при черной кухне для дворни, в избушках при конюшне или на скотном дворе.

Когда Саша Радищев появился на свет, к нему приставили няню. В няни обычно старались выбрать одну из самых надежных и рассудительных женщин среди крепостных. На ее обязанности лежал уход за ребенком в первые годы его жизни. Она напевала колыбельные песни над его постелью, учила первым словам, рассказывала сказки, когда он начинал подрастать.

Саша Радищев крепко привязался к своей няне. Он помнил ее и тогда, когда стал взрослым человеком. Вспоминая о ней, говорил:

«Нянюшка моя, Клементьевна...»

Когда мальчик стал подрастать, его передали из рук

няни в руки дядьки. В дядьки назначали обычно степенного и рассудительного человека, к которому господа относились с доверием.

Дядька должен был следить за поведением мальчика, оберегая от всего вредного, приучать к опрятности, следя за чистотой и исправностью его одежды.

Петр Мамонтов, по прозвищу Сума, дядька Саша Радищева, исполнял те же обязанности. Он выделялся среди дворовых людей, принадлежавших Радищевым, грамотностью и некоторой начитанностью.

Когда в деревню заходил бродячий торговец, коробейник, в коробке у торговца вместе с лентами, иголками, пуговицами и булавками, лежали и дешевые книжки с кустарными, лубочными картинками. Поторговавшись, Сума покупал повесть, сказку или дешевый календарь с поучительными статьями, поговорками и предсказаниями погоды на каждый день.

Сума любил рассказывать прочитанные книжки мальчику. От своего дядьки Саша Радищев услышал в первый раз пересказ повести о Бове-королевиче.

Много лет спустя Радищев, вспоминая о Суме, называл его «дядька мой любезный».

Няня Прасковья Клементьевна и дядька Петр Сума были ближе к мальчику, чем остальные крепостные. Но в усадьбе было немало и других дворовых людей, к которым он привык с раннего детства. Мальчику было интересно все, что он мог узнать и увидеть вокруг. Старый кучер, который давал разрешение погладить жеребенка или протянуть любимому коню ведро с овсом, был для мальчика значительным человеком. Птичница, заботливо ухаживающая за цыплятами, утятами и гусятами, пастух, умеющий громко шелкать кнутом идя за стадом, искусно вырезать дудочки и свирели,—ко всем этим людям тянуло маленького Сашу.

Много лет спустя после того, как прошло детство, Радищев писал о себе, что он «родился с чувствительным сердцем».

Это была не дряблая чувствительность слабого ребенка. Он живо отзывался на каждое впечатление и крепко привязывался к тем, кто ему нравился. И если что-либо ему казалось несправедливым, сразу горячо возмущался.

Село Верхнее Аблязово находилось совсем близко от

господского дома, а мальчик был резв и любознателен. Несомненно, он не раз выбегал за широкие резные ворота усадьбы и, проходя по деревенской улице, заглядывал в избы.

Деревня была как будто совсем иным миром. По обеим сторонам улицы тянулись бревенчатые избы, с крышами, покрытыми корою, дерном или смолой. Окошки были совсем маленькие, затянутые полупрозрачной пленкой—бычьим пузырем.

«Свет здесь точно обложен особым налогом», писал один путешественник, которому случалось бывать в крестьянских избах.

Причина была, разумеется, иная: на покупку стекла у крепостного крестьянина не хватало денег. Избы топились «по-черному». Трубы в избе не было, и, затопив печку, открывали дверь и окна, чтобы дать выход дыму.

По вечерам зажигали длинные тонкие лучины, втыкая их в железную подставку—светец, обычно стоявший на очаге. Лучина горела минут десять—пятнадцать, а когда начинала потухать, зажигали другую и ставили на ее место. Так освещались крестьянские избы всюду.

Свечи были недоступной роскошью для крестьян. При свете лучины работали по вечерам и в избах Верхнего Аблязова. Женщины пряли или шили, мужики чинили хомуты, делали грабли или заостряли вилы, плели лапти.

В доме Радищевых, как во всякой усадьбе того времени, часто бывали в гостях соседи с семьями. Обычно ездили в гости не только за пять или десять, но и за пятнадцать—двадцать, а то и за тридцать верст.

В дни именин или рождения хозяев гости съезжались со всей округи, нередко оставались ночевать и разъезжались только на другой день к вечеру. Детей к приезду гостей принаряжали. На мальчика надевали праздничное платье: кафтанчик и коротенькие штаны из тонкого цветного сукна с блестящими пуговицами, белые шелковые чулочки до колен и сафьяновые башмачки с пряжками.

Детей выводили к гостям. И сидя за накрытым белоснежной скатертью столом, мальчик прислушивался к беседе.

Говорили об урожае, об уходе за садом, об охоте с борзыми собаками, о покупке крепостных:

— Я недавно девку дешево купил. Лакея моего Прошку решил женить, а в дворе у меня на тот случай невесты не нашлось. Был я в гостях у соседа, он и говорит: «У меня дворянка расплодилась так, что не знаю, куда и девать». Ну, я и сторговал у него молоденькую девку за десять рублей. Приезжаю домой, говорю Прошке: «Я тебе невесту купил». Он было занкнудся, какая, мол, невеста, да я на него прикрикнул: «Девка, как девка, и все». С лица, правда, неказиста, но что ж с того! Дело сделано. Через неделю их обвенчали.

— За десять рублей пригожую девку либо умелую мастерицу не купишь. Ежели искусно кружева плетет либо отменно хорошо шьет, и пятьдесят рублей отдать не жалко. А простенькую да некрасивую при случае купить за десять рублей не диво...

И начинался общий разговор о том, что цены растут на все, и на людей тоже. Еще недавно молодой, здоровый парень, годный в рекруты, стоил сто рублей, а теперь запрашивают гораздо больше.

С самого раннего детства Радишев узнал, что людей можно покупать и продавать, как лошадей или овец.

Соседки-помещицы рассказывали о разных домашних происшествиях. Среди дворянок еще много было таких, которые едва умели читать и писать, а иные и вовсе были неграмотны. Они часто верили не только в приметы, но даже и в колдовство. За чайным столом можно было услышать рассказ приехавшей в гости из соседнего имения барыни о том, как кто-либо из крепостных пытался напустить на нее «порчу».

— Мне моя ключница сказала про одного мужика: проходил-де мимо усадьбы и против моего окна воду вылил. Не иначе, вода наговоренная. Я прибежала на то место и вижу: вода на землю вылита и тут же какая-то травка валяется. Сейчас же за мужиком послала, стала допрашивать, а он отпирается, говорит: «Нес воду с речки, плеснул нечаянно». Мы и секли его и батогами били. Всю спину ему взъерошили, а он все кричит: «Помилуй, барыня, не виноват!» Так ничего и не добились. Напоследок велела выстричь ему бороду клоками для сраму и отпустила домой.

Иногда начинался спор: не все верили, что наговором, сказанным над водой или какой-то травкой, можно причинить болезнь или другую беду человеку.

Все понимали, что слова «взъерошила спину» значат: окровавленная кожа повисла клочьями. Но никто не сомневался в том, что помещица имела право допрашивать своего крепостного под палками.

За столом гости нередко говорили о том, что делается у соседей, и подчас осуждали их за глаза.

Недалеко от Верхнего Аблязова жил помещик Зубов, про которого шла худая слава. Он купил село с двумястами пятьюдесятью крестьянами и отнял у них лошадей, коров и все запасы хлеба, а вместо того стал отпускать скудный месячный паек. Когда начинались полевые работы, паек не выдавался, а крестьян кормили на барском дворе, наливая щи в большие корыта. Рассказывали, что за малейшие проступки Зубов подвергает крепостных жестокой порке и сажает в тюрьму, которую устроил в одной из своих дальних деревень. В тюрьме заключенных приковывали цепью к стене.

О Зубове в доме Радищевых говорили с осуждением. Толковали и о том, что он сам себе вредит: от него то и дело убегают крестьяне. Но Зубов был богат, имел связи при дворе, и многие соседи старались поддерживать знакомство с ним.

Рассказы о том, как Зубов и другие помещики мучают крепостных, Саша Радищев запомнил надолго.

ПОДВИГ РАДИЩЕВА

Семилетним мальчиком родители отправили Радищева для получения образования в Москву. Читать и писать к этому времени он уже научился от своего дядки. В Москве, в доме богатых родственников Аргамаковых, он вместе с их детьми начал учиться у преподавателей университетской гимназии и профессоров Московского университета. Любознательный и очень способный, мальчик жадно учился, много читал. Постепенно складывался его характер: Саша Радищев был прям, правдив, очень отзывчив. Живой и увлекающийся, он не терпел несправедливости, и если что-нибудь ему казалось правильным, он говорил так, как думал. На четырнадцатом году в его судьбе произошел резкий поворот: его определили на службу во дворец — пажом при императрице

Екатерине II. Пажы должны были жить и учиться в особом учебном заведении—Пажеском корпусе, дежурить во дворце на приемах, на торжественных обедах и балах, оказывая высокопоставленным гостям мелкие услуги и выполняя их поручения. Когда пажу исполнилось 18 лет, ему давали офицерский чин и направляли на военную службу.

Здесь, во дворце, подросток, потом юноша Радищев, обладавший большой наблюдательностью и острым умом, узнал и расточительное великолепие и все грязные тайны двора Екатерины II; он увидел все гнусности низкопоклонства, бесчестности, лицемерия, которые процветали при дворе.

Служба при дворе была прервана в 1756 году: собираясь составить новый свод законов Российской империи, Екатерина решила послать на казенный счет двенадцать молодых дворян учиться юридическим наукам за границу, в Лейпцигский университет. В их число попал и Радищев. Быстро прошли университетские годы: немного дали Радищеву лекции немецких профессоров, старавшихся уберечь студентов от свободомыслия, но многое изучил, открыл и усвоил юноша Радищев сам. Он прочел труды самых передовых европейских мыслителей, он много думал самостоятельно и смело о развитии общества, о судьбах народов. Основной чертой характера юноши Радищева было то, что он всем существом своим ненавидел всякое угнетение. Эта черта ярко проявилась, когда вместе с другими студентами он поднял решительный бунт против майора Бокума, приставленного к ним для надзора Екатериной II; Бокум «по-тирански» обращался с ними, пытался сечь, держал под арестом и даже изготовил для них деревянную клетку, в которую собирался сажать провинившихся студентов, как зверей. Дружный отпор студентов привел к тому, что Бокум присмирел, ограничиваясь бесстыдным хищением отпусковавшихся для студентов казенных денег.

Столкновение с Бокумом было для Радищева первым уроком борьбы против грубого произвола. В 1771 году курс учения был закончен. Радищев возвратился в Россию. Ему исполнилось 22 года. Он был полон желания приложить свои силы, знания к делу, нужному родине, народу. Но приложить их было негде.

Радищева назначили сперва протоколистом в Сенат,

потом прокурором при военном суде. Ничего полезного обществу не могла дать эта служба, зато на заседаниях Сената и военного суда Радищев хорошо познакомился с множеством дел, которые разбирались там: о замученных помещиками до смерти крепостных, об убийствах извергов-помещиков доведенными до отчаяния их людьми, о бунтах крестьянских, о карательных отрядах, посылавшихся на усмирение бунтовавших деревень, об артиллерийском обстреле этих деревень, о страшных расправах над крестьянами. Все больше и больше закипала в груди Радищева ненависть к угнетению, к царской власти. Он понял, что единственное оружие в его руках, с которым он может выступить против угнетения,—это оружие печатного слова. И он начал работу по переводу на русский язык замечательного сочинения французского мыслителя Мабли «Размышления о греческой истории», полного смелого свободомыслия. Объясняя французское слово «деспотизм», он перевел его по-русски—«самодержавство», и рядом поставил в примечании свою знаменитую фразу, которая через столетия дошла до нас: «Самодержавство — есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние».

Книга Мабли в переводе Радищева была издана в Петербурге Новиковым в 1773 году. Выпуск этой книги с примечаниями, бившими царскую власть, означал, что Александр Радищев вышел на бой, на бой неравный, упорный, долголетний с тем злом, что угнетало родной народ, что губило и ослабляло Родину. Имя этому злу было самодержавие.

В конце 1774 года Александр Николаевич Радищев выехал в далекий путь из Петербурга на родину в Верхнее Аблязово. Причина была важная: он ехал просить согласия родителей на брак с Анной Васильевной Рубановской, которую полюбил всей душой. Радищев ехал через Москву. Это путешествие почти за полторы тысячи верст началось в 1774, а закончилось в 1775 году, когда правительство творило свою зверскую расправу над крестьянами, участвовавшими в Пугачевском восстании. Радищев видел виселицы с казненными; на околицах встречал и страшные «глаголи»—сооружение из бревен в виде буквы Г с перекладиной, к которой прикреплялся железный крюк; на этот крюк вешали казнимых людей за ребро. Он видел крестьян, подавленных страхом, за-

гаивших ненависть, угрюмо молчавших. Эта поездка в Пензенский край, несомненно, оставила в душе Радищева неизгладимый след.

Шли годы. Радищев некоторое время был в отставке, затем снова служил сначала в коммерц-коллегии, а с 1780 года—начальником Петербургской таможни. Но главным делом его жизни в эти 15 лет (1775—1790 годы) была борьба печатным словом, высказыванием смелых идей против крепостничества, против царской власти. А. Н. Радищев пишет свою знаменитую оду «Вольность» и много других сочинений. Главным же подвигом всей его жизни являлась работа над книгой «Путешествие из Петербурга в Москву». Он отдал этому производству 10 лет труда, и в мае 1790 года оно уже было напечатано в домашней типографии и пошло из книжной лавки купца Зотова распространяться по Петербургу. Идея огромной взрывной силы заключалась в этой книге.

Радищев показал себя в ней человеком необычайно смелой революционной мысли, на целую голову возвышающимся над современниками. Чем это можно доказать? Во-первых, в своей книге он дал такое яркое, убедительное разоблачение крепостничества, всех его сторон, которое никто в ту пору дать не решался.

Во-вторых, он раскрыл всю мерзость, всю угнетательскую сущность самодержавного правления, следовательно, и российской императорской власти.

В-третьих, он указал путь к освобождению народа, придавленного крепостничеством и царской властью. Этот путь—народная революция, после которой должно, по мнению Радищева, установиться народовластие и начаться строительство новой, свободной жизни.

Достаточно вдуматься в эти строки: «О, если бы рабы... тяжкими узами отягченные... разбили железом, вольности их препятствующим, главы наши, главы бесчеловечных своих господ, и кровью нашей обагрили нивы свои! Что бы тем потеряло государство?»

И Радищев говорит дальше, что на место избитого племени дворянского—народ из пущи своей выдвинул бы великих деятелей для государственного и культурного строительства. Но это будут деятели, чуждые рабского духа, свободные в полном смысле этого слова.

В другом месте он прямо призывает крестьян к восстанию против зверя помещика: «Сокрушите орудия его

земледелия, сожгите его риги, овины, житницы и развейте пепел по нивам!»

За свою книгу Радищев был отправлен императрицей Екатериной на десять лет в ссылку в Сибирь в Илимский острог. Екатерина надеялась, что слабый здоровьем Радищев умрет в глухом краю медленной и мучительной смертью, не выдержав суровых условий жизни и страшного одиночества. Здесь, в России, он оставлял четверых детей, оставлял без матери, так как жена его, Анна Васильевна, умерла еще семь лет назад. Однако расчеты Екатерины не оправдались. Сибирь оказалась не так ужасна для Радищева; сестра Анны Васильевны, Елизавета Васильевна Рубановская, которая обещала перед смертью сестры насколько хватит ее сил, заменить детям мать, совершила героический поступок: она последовала за Радищевым в Сибирь, приехав к нему с двумя младшими детьми (старшие сыновья должны были поступать вскоре в военную школу). Радищев очень обрадовался приезду Елизаветы Васильевны, восьмилетней Кати и семилетнего Павлуши. «Я еще буду жить, а не прозябать»,—писал он по этому поводу. Жизнь не в одиночестве, а с семьей (Елизавета Васильевна стала второй женой Радищева), поддержка друзей, присылавших ему письма, книги и деньги,—все это умножило силы Радищева, и ссылка не сломила ни здоровья, ни духа Александра Николаевича.

После смерти Екатерины, новый император Павел I вернул Радищева из ссылки. Перед отъездом Александр Николаевич писал: «Душа моя во мне. Я тот же, что и был... голос мой не переменялся, шея моя не стерта, а выскыся гордо».

По дороге из Илимска большое несчастье поразило семью Радищева: простудилась и умерла Елизавета Васильевна; вторично осиротели дети—с отцом их ехало из Сибири уже пятеро—трое малышей родились в Илимске. Первый год после ссылки семья провела в селе Немцово под Москвой, где приказал ему жить царь, а в следующем 1798 г. он поехал с детьми в Пензенский край, в Верхнее Аблязово, где еще живы были его отец и мать. Встреча была печальной. Мать была так потрясена арестом сына, что с того самого момента—8-й уже год—лежала разбитая параличом, отца же он застал ослепшим.

В этот последний свой приезд в Верхнее Аблязово

Радищев много работал над вопросами сельского хозяйства, он изучал плодородие почвы Пензенского края, ставил химические опыты над «тютиярским черноземом» (то есть над землей по берегам реки Тютиярки), выяснял экономическое положение крестьян.

В 1801 году новый царь, Александр I, разрешил Радищеву жить в столице, поступить на государственную службу... Александр Николаевич получил назначение в комиссию по составлению новых законов.

День и ночь Радищев неутомимо трудился над «Законодательными проектами». В них он предусматривает отмену крепостного права... установление равенства всех граждан перед законом... полную отмену телесных наказаний.

Однако новый царь и не думал колебать крепостнический строй. Члены комиссии, сами ярые крепостники, дали понять Радищеву, что надежды его дать народу новые, гуманные законы, наивны и несбыточны. Ему пригрозили вторичной ссылкой. В эти дни тяжелого беспокойства и подавленности Радищев оказал в кругу своей семьи: «Ну, что вы скажете, детушки, если меня опять сошлют в Сибирь?»

Александр Николаевич понял, что в самодержавной крепостнической России ни тогда, в молодости, когда ему было 22 года, ни теперь, когда ему стало уже за 50 лет, нет возможности приложить свои силы и знания на пользу народа, понял, что работа его безрезультатна. И тогда он решил покончить с собой. Утром 11 сентября он принял яд. Это была не слабость: смертью своей Радищев заявлял последний протест царской власти, крепостникам, угнетавшим народ.

В «Путешествии» его есть такие строки: «Если добродетели твоей убежища на земле не останется, если, доведенну до крайности, не будет тебе покрова от угнетения,—тогда вспомни, что ты человек, вспомни величество твое... Умри!» Самоубийство Радищева было последним средством, которым утверждал он достоинство свое Человека с большой буквы, которым бросил он страшное обвинение царской власти. «Потомство отомстит за меня»,—так было написано его рукой на большом листе бумаги, найденном в столе.

Радищев—самый смелый, самый революционный мыслитель своей эпохи, Радищев—первый, призвавший угне-

тенный народ России к восстанию, Радищев—несгибаемый борец за освобождение народа, гордость нашего края, гордость нашей страны.

СУВОРОВ В СВОЕЙ ВОТЧИНЕ

В Мокшанском уезде на берегу речки расположилась деревня Маровка (а по-иному—Шушки). Это была вотчина великого полководца Александра Васильевича Суворова. В ней было крепостных 562. Барщины в деревне не было. Крестьяне платили не очень обременительный оброк — 3 рубля с души¹ и пользовались всеми угодьями суворовской вотчины: пашней, лугами, лесом.

Летом 1791 года вся деревня была в радостном возбуждении. Прошел слух, что в Маровку скоро придет сам граф Римникский — Александр Васильевич Суворов. Имя его гремело по всей России, по всей Европе. За границей с изумлением встречали известия о его новых блестящих победах: Римник, Фокшаны, Измаил!

Струхнул маровский староста: Александр Васильевич—это знали все—был справедлив, но строг, на суд и расправу скор; если найдет какие непорядки—не сдобровать старосте.

Наконец приехал Суворов. Приехал в простой таратайке в сопровождении лишь своего денщика и верного друга Прохора. Он остановился в небольшом деревянном домике, похожем на обыкновенную крестьянскую избу, поужинал, почитал вечером новую заграничную книжку о военной тактике и потом безмятежно заснул на узкой кровати с простым веревочным переплетом вместо матраца.

Утром, поднявшись в 4 часа, призвал старосту и начал проверять положение хозяйства в Маровке. Он расспрашивал о каждой крестьянской семье, вникал во все подробности деревенской жизни, обнаруживая удивительную память. Доклад старосты сошел благополучно. Недоимок за крестьянами было немного, староста обещал на этой же неделе все недоимки взыскать. Выглянуло солнышко. Суворов оделся и вышел пройтись по деревне.

¹ В это время большинство помещиков довели оброк до 5 рублей с души.

Мужики снимали шапки, кланялись, радостно здоровались с барином. Суворов подходил к ним, расспрашивал об урожае, о хозяйстве, о детишках, пересыпал речь прибаутками, весело смеялся. Если были жалобы—хмурился, обещал сегодня же разобраться, шел дальше.

Провожая его взглядами, мужики повторяли: «Орел наш Александр Васильевич... Орел!».

Суворов подошел к избе, возле которой шумно играли ребятишки. Шла старинная и любимая всеми мальчишками игра в бабки: крупные косточки стояли в ряд на плотно утрамбованной земле, а ребята, отойдя от них на несколько шагов, каждый по очереди, старались сбить их своим «битком»—самой прочной и тяжелой бабкой, швырнув ее сильно и метко. Кто сбил, тот и выиграл. Эти самые косточки снова можно ставить, снова пытаться счастье.

Суворов подбежал, крикнул: «А ну-ка, ребята, дай-ка я попробую... давно не пробовал... люблю, люблю!»

Ребята наперебой предлагали свои битки.

Он взял, выставил ногу вперед, чуть согнул колено, прищурил глаз, прицелился и размахнулся—и весь десяток бабок разлетелся в разные стороны.

— Ух ты! Барин! Александра Васильич! Ну, и меток! Ну, и дал!

— А что ж вы думали? Не попаду? Глазомер—великое дело... Глазомер, натиск—помилуй бог... Это—самое главное!

— А ну-ка, ребята, ставь еще! А ну, давай, давай, по порядку! Кому бить? Тебе? Начинай-ка!

Игра продолжалась с необыкновенным азартом. Каждому из ребят хотелось перед Суворовым «доказать» свой глазомер: битки летели, с треском разваливали ряды лодыжек, а иной раз со свистом пролетали мимо. Горестное «Эх ты!» сопровождало каждую неудачу. Когда наступал черед Суворова, он прицеливался и без промаха бил в самую середину ряда, а когда удавалось сбить целиком весь ряд—ухал, притопывал ногой и радовался, как мальчишка. Игра прервалась только тогда, когда пришел денщик Суворова Прохор и доложил, что к его сиятельству кто-то приехал.

Суворов ушел. Ребята глядели ему вслед, пока он не скрылся из виду. Мужики начали неторопливый разговор о своем барине. Говорили о том, что хоть Алек-

сандр Васильевич большой человек и высокими чинами от царицы награжден, а с людьми прост; когда приезжает—побывает почти в каждой избе, помогает деньгами тому, кто уж очень обеднел. Особливо приказывает он беречь детишек (уж больно много помирает их каждый год), строго-настрого приказывает глядеть за ребятами, чтоб не простужались, не болели... грозитя наказывать родителей, у кого ребята плохо присмотрены.

Вспоминали, как два года назад заступился Суворов за бобыля, которого мужики порешили сдать в рекруты. Староста от имени всего общества написал тогда барину просьбу: «...приказать того бобыля беглого за нынешний набор за все крестьянство отдать в рекруты». Ответ Суворова был как гром с ясного неба: «Рекрута ныне купить... Бобыля же отнюдь в рекруты не отдавать. Не подлежало позволять бродить ему по сторонам. С получением сего в сей же мясод этого бобыля женить и завести ему миром хозяйство.

Буде же замешкаетесь, то я велю его женить на вашей первостатейной девице, а доколе он исправится, ему пособлять миром во всем: завести ему дом, ложку, плошку, скотину и прочее. А. Суворов».

Теперь уже этот бобыль имел избу, семью, хозяйство и, понятно, перестал бродить по сторонам.

«Справедливый барин Александра Васильевич,—толковали мужики,—только что ж—мы ведь его и не видим. Был у нас, как батюшка его помер, приезжал на следство свое принимать—в семьдесят пятом году это было, да вот нынче—за шестнадцать-то лет первый раз приехал...

А без него, за себя, доверил он управлять своими вотчинами помещику Мартынову. А тот—и притесняет, и лишнее берет, оброков и платежей разных. А кому жаловаться? Староста и управитель заодно, а до барина далеко—ведь он, глядишь, все больше в чужих странах воюет. Да и поверит ли он нам? Они с Мартыновым воевали, вишь, сколько лет... вот ему и доверяет, как родному брату».

Прошка, остановившийся возле мужиков, молча слушал их разговоры, а потом вдруг засмеялся и сказал: «А вы не слыхивали, как Александр Васильевич в Ундоле ребят женил?»

Все повернулись к Прохору. И он рассказал им такую историю:¹

«Приехал как-то Суворов под Владимир в Ундол, прошелся по улице, повстречал группу парней:

— Женаты?

— Нет, ваше сиятельство.

— Почему не женаты?

— Так невест на селе нет.

Вызвал Суворов управляющего, стал кричать:

— Парни как дубы выросли. Почему не женаты?

— Невест же нет на селе.

— Купить невест,—распорядился Суворов.

Любил Суворов, чтобы крестьяне вовремя заводили семью и детей, чтобы свое хозяйство вели в исправности. Хозяйство в исправности—барину лишней доход.

На следующий день, получив двести рублей, управляющий двинулся за невестами.

— На лица не смотри,—наставлял Суворов.—Лишь бы здоровы были. Не задерживайся. Купил—и в Ундол. Отправляй на подводах. Вези осторожно, сохрани. Через несколько дней невесты прибыли.

Суворов вызвал парней:

— Становись!

Стали по росту.

Подошел к невестам, согнал с телег.

— Становитесь!

Невесты построились.

— На-прав-о!

Парни и девки повернулись, оказались теперь попарно.

— Шагом марш! Под венец. В церковь!—скомандовал Суворов и сам пошел первым.

Тут же молодых оженили. А так как времени было мало и невесты и женихи друг друга как следует не рассмотрели, то после венчания сразу же перепутались. Где муж, где жена, разобраться не могут.

Построил тогда Суворов снова парней и девчат по росту. И сразу стало все на свое место.

Суворов остался доволен. Женил. Доброе дело сделал. А о том, понравились ли друг другу женихи и невесты, и не думал. Барин. И молодые смолчали: барская воля — надобно слушаться».

¹ Эпизод взят из книги С. Алексева «Рассказы о Суворове и русских солдатах».

Мужики посмеялись и стали расходиться: время было обедать... Кто-то промолвил: «Барин, он барин и есть».

ПУГАЧЕВ В ПЕНЗЕ

Проживающий в Пензе секунд-майор Герасимов вместе с офицерами-инвалидами направился в провинциальную канцелярию и спросил воеводу Всеволожского, где находится самозванец и какие меры приняты властями для защиты города. Воевода ответил:

— По разорении Казани злодей действительно следует к Пензе. Соберите свою инвалидную команду и приготовьтесь к отпору.

Герасимов собрал всего лишь двенадцать человек, среди коих были безрукие, безногие, и приказал им вооружиться. В городе оказалось много денег—больше двухсот тысяч рублей. Их начали прятать по подвалам, зарывать в землю. Но всех медных денег схоронить не успели, они впоследствии достались Пугачеву.

В три часа дня (1 августа) неожиданно-непрощенно явились на базар человек пятнадцать конных пугачевцев. Затрубили призывные дудки, забил барабан. К всадникам со всех сторон устремился народ. Есаул Яков Сбитень выдвинулся на коне вперед, достал из-под шапки бумагу.

— Жители города Пензы!—воззвал он, прощупывая толпу строгим взором бровастых глаз. — Прислушайтесь к манифесту отца нашего государя!

Манифест показался народу не особенно понятным. Заметив это, есаул обратился к жителям попросту, как умел:

— Верьте, миряне, что к городу подходит не самозванец, как власти внушают вам, а сам истинный природный государь! Он послал нас объявить, что ежели горожане не встретят его хлебом-солью, а окажут противность, то все в городе до сущего младенца будут истреблены и город выжжен.

После этого, пригрозив нагайкой, всадники повернули коней и галопом поехали из города.

Озадаченная толпа молча смотрела вслед всадникам.

Затем, как по сговору, снова повалили все скопом к провинциальной канцелярии, куда, по набату соборной колокольни, сбежался почти весь город. Вышедшему из канцелярии на площадь секунд-майору Герасимову народ кричал:

— Защищаться нам нечем! Погибли мы... Веди нас государя встречать с хлебом-солью.

Герасимов повинился.

Вскоре вся толпа, в сопровождении духовенства и купечества, вышла из города и в версте на возвышенном месте остановилась.

День был золотой, солнечный, и кругом было рассыпано золото: блистали богатые ризы духовенства; отливали блестками иконы, кресты, хоругви с мишурными кистями; золотились поспевшие ливы; часть хлеба уже сжата. Но жнецов в поле не было, золотистые ливы—сплошная пустыня. Дозревали высокие льны. Пред глазами широкая лежала даль, подернутая таинственной сизой пеленой, за которой чудилось жителям шествие грозного царя: что-то будет, что-то будет, господи...

Народ разделился на кучки, уселись на земле, а некоторые и прилегли—снопы в голова. Духовные лица, сняв парчовое облачение, вместе с офицерами Герасимовым, Никитиным и Черниковым, расположились вдоль канавки, поросшей розоватой кашкой и пыреем. Священник вынул из корзины, поданной босоногим попovichем, сдобные ватрушки, с проворством стал жевать. Дьякон разломил овсяный пирог с морковной начинкой. Офицеры задымили трубками. Всюду разговоры, разговоры. Огромный жужжащий табор.

Золотистая пыль показалась вдалеке. Ближе, ближе—и вся дорога запылила, версты на три. Глаз стал различать ехавший впереди отряд всадников.

Духовенство принялось облачаться, офицеры одергивать мундиры, подтягивать шелковые с кистями кушаки, купцы — расчесывать гребнями бороды и волосы, толпа — размещаться по обе стороны дороги, выдвигать наперед почтенных стариков.

Пугачев со свитой подъехал к молчавшей толпе. Рядом с ним начальник артиллерии Федор Чумаков и адъютант Давилин.

По обычаю, приложившись к кресту, Пугачев устроил целование руки. С духовенством, купечеством и офицера-

ми он милостиво шутил, а с простыми людьми вел беседу:

— Вот и царя узрели, детушки... Дарю вам жизнь безбедную. В моем царстве-государстве, ежели всемогущий господь сподобит воссесть мне на престол, тиранства вам от бар не будет. Я слезы ваши вытру, только послужите мне.

— Послужим, отец наш! Будь в надежде!—радостно откликнулся народ.

— А где же воевода ваш и достальное начальство? — спросил Пугачев.

— А воевода Всеволожский сбежал, твое величество.

Пугачев переглянулся с Чумаковым, насупил брови.

Он согласился отобедать в самом лучшем по городу доме купца Аидрея Яковлевича Кознова.¹

Пугачев пригласил за стол из своих ближних только двенадцать человек. Пищу разносили не слуги, а сами купцы с шутками и прибаутками. Бургомистр, судьи, офицеры угощали гостей. Пили за здоровье Петра Третьего, государыни Устины Петровны и наследника-цесаревича. Пугачев был доволен. Он снял кафтан со звездой и остался в одной шелковой рубахе. Он заметно похудел, за собой не следил, щеки не подбривал, на висках белела седина.

— Ну вот, господа купцы, теперь вы, да и все городские жители, мои казаками называетесь. Ни подушных денег, ни рекрут с вас брать не стану. А соль я приказал раздать безденежно по три фунта на человека. А впредь торгуй солью кто хошь, запрету от моего царского имени не будет, и промышляй всякий про себя.

Прислушиваясь к доносившемуся с улицы шуму, Пугачев сказал:

— Полковник Чумаков! Поди уйми народ...

— Да уж теперичь не унять, батюшка твое величество,—ответил Чумаков.—Пушай погуляют...

— Ну, ин ладно... Только чтоб купцов моих не забивали.

— А пикеты расставлены?

— Расставлены, батюшка, — почтительно сказал Чумаков.—Чичас оттудов сержант Мишкин да два есаула... Доклад чинили мне. Наши в городе пушки да порох

¹ Теперь на месте этого дома кинотеатр «Родина».

с ядрами забирают да медные деньги на возы грузят...

— Добро,—сказал Пугачев.

Пугачев уехал из Пензы под вечер, забрав с собой 6 пушек, 590 ядер, 54 пуда свинца, 16 пудов пороху, много ружей и сабель. А медных денег было взято 13.233 рубля 63³/₄ копейки, ими нагрузили 40 подвод. Пугачев распорядился три бочонка с деньгами подарить протопопу, два бочонка—штатным солдатам, шесть бочонков—инвалидной команде, а часть денег разбросали народу. Емельян Иваныч направился к городу Петровску, в сторону Саратова, и, отъехав от Пензы всего верст семь, остановился лагерем.

На другой день с утра по улицам города было расклеено объявление:

«Сего августа 3 числа, по именному его императорского величества указу, г. секунд-майор Гаврило Герасимов награжден рангом полковника и поручено ему содержать город Пензу под своим ведением и почитаться главным командиром. Да для наилучшего исправления и порядка определен быть в товарищах купец Андрей Яковлевич Кознов. Приказано г. Пензе... собрать через час в армию его величества казаков пятьсот человек».

Вскоре было набрано двести человек и при прапорщике отправлено к Пугачеву. Тот остался недоволен столь малым числом набранных, потребовал к себе на ответ Герасимова, а сам двинулся с армией дальше. Герасимов, искренне принимавший самозванца за царя, тотчас поскакал в его стан и нагнал его уже в сорока верстах от Пензы.

— Что же ты, полковник, не исполняешь моего приказа? Ась?

Герасимов, выразив верноподданические чувства, сумел оправдаться и был отпущен в Пензу.

Пугачев двигался быстро. Он опасался встречи с правительственными отрядами и спешил загодя уйти от них. Отряды же Муфеля и Меллина в свою очередь боялись встречи с главной пугачевской армией. Они с успехом разбивали мелкие повстанческие партии, состоящие из крестьян, барской дворни, однодворцев и поповских сыновей, грозного же Емельяна Пугачева страшились как огня. Так, граф Меллин, имея тысячу человек отлично вооруженной пехоты и двести улан-ка-

валеристов, остановился в экономическом селе Городище, в сорока верстах от Пензы, которая в это время занята была Пугачевым, и стал выжидать здесь, когда Пугачев Пензу покинет.¹ А ведь Меллину было предписано идти по следам «злодейской толпы», и как только она будет обнаружена, немедля вступать с ней в бой. Но он, очевидно, переоценивая силы Пугачева и желая сохранить жизнь свою, на это не отважился. Прожив в полном бездействии трое суток, он послал туда двух ямщиков Городища, братьев Григорьевых, а в догонку им сельского старосту—с наказом разузнать и донести ему о выходе Пугачева из Пензы. И Меллин только тогда осмелился выступить походом к Пензе, когда ему все три посланца, вернувшись, сообщили, что «злодейская толпа еще вчера побежала по саратовской дороге».

Подобные очень важные и весьма курьезные обстоятельства были на руку Пугачеву: они укрепляли в населении веру в несокрушимую силу «батюшки-заступничка» и в то, что он действительно природный царь есть.

Вслед за Меллином 5 августа вступил в Пензу и Муфель.

Ставленники Пугачева—Герасимов и купец Кознов—были арестованы и отправлены в казанскую секретную комиссию. Многие горожане, примеченные в беспорядках, были на площади под виселицей наказаны кнутом, четверо закачались в петлях. Здесь же были сечены плетью и купцы-хлебосолы.

Граф Меллин, делая форсированные марши по сорок, по шестьдесят верст в сутки, выступил далее. А оставшийся в Пензе Муфель оказался среди большого разрушения и почти поголовного восстания в окрестных помещичьих селениях.

Проходя со своей армией, Пугачев видел, как днем и ночью горят повсеместно барские гнезда. И со всех сторон толпами валят к «царю-батюшке» восставшие мужики.

Но, несмотря на это, ядро пугачевских сил не возросло, а постепенно таяло.

Огромной толпе, не в одну тысячу человек, с боль-

¹ Тхоржевский. «Пугачевщина в помещичьей России», стр. 107. В. Ш.

шим обозом идти по одной дороге не было возможности: не хватало ни корма для лошадей, ни фуража для коней. Поэтому, волей-неволей, от главной армии отделялись порядочные толпы воинственно настроенных крестьян.

Не спросясь Пугачева, они самочинно выбирали себе полковников и растекались во все стороны по уездам.

Так, отрываясь от главного пожарнища, всюду разлетаются гонимые ветром огненные головешки, они падают то здесь, то там, и вот воспламеняются новые пожары.

Мстительные толпы, передвигаясь с места на место, быстро обрастали почуявшими волю крепостными крестьянами, пахотными солдатами, а зачастую и обнищавшими дворянами-однодворцами.

Так, крепостной крестьянин графини Голицыной Федот Иванов успел собрать отряд до трех тысяч человек и носился с ним вихрем по всему уезду.

Предводители этих отдельных от Пугачева толп возили с собой указы «мужицкого царя», хватали помещиков, направляли их к Пугачеву или убивали на месте.

Вешали помещиков, приказчиков, старост.

Богатые помещики страдали сравнительно мало — они своевременно успевали скрыться и отделялись только материальными убытками: их поместья сжигались, богатства расхищались.

Немало было истреблено помещиков средней руки и даже мелкоты. Впрочем, многие из них, именно владельцы среднего достатка, в своей погоне за наживой, за тем, чтобы не отставать в роскошествах от помещиков крупных, выжимали из своих крестьян путем насилия все, что можно, и этим страшно озлобляли против себя подъяремных крепостных. Народная месть обрушивалась, помимо помещиков, также на управителей имениями, на приказчиков, бурмистров. Эти наемники, стараясь оправдать доверие своих господ, да и себе «нажить копейку», были по отношению к крестьянам более жестокими, чем сами бары.

Сбежавшие из Пензы перед вступлением Пугачева в этот город воевода Всеволожский, его товарищ Гуляев и два офицера были захвачены толпой Иванова в имении помещика Кандалаева. Их отправили к Пугачеву

на суд, но по дороге, в деревне Скачки, конвоиры заперли арестованных в амбар и там сожгли. А два пензенских секретаря Дудкин и Григорьев, тоже сбежавшие от Пугачева, были повешены отрядом Иванова в селе Головинщине.

Прибывший в Пензу подполковник Муфель ясно видел, что оставлять уезд в таком положении невозможно и что надо в первую голову, разыскав главные силы Иванова, покончить с ним. Оказалось, что руководимая Ивановым толпа движется к Пензе. Навстречу им Муфель выслал двести человек улан дворянского пензенского корпуса под начальством предводителя дворянства Чемесова.

В тридцати верстах от Пензы, возле села Загоскино, загорелся бой. Несмотря на дружный и меткий огонь улан, восставшие держались крепко. Тогда Чемесов с одетыми в голубые мундиры уланами врубился в самую середину толпы. Народ побежал, оставив до трехсот человек убитыми; сто семьдесят крестьян попало в плен, было захвачено несколько чугунных пушек и две медные мортиры.

Вскоре после этого дворянство и купечество, скрывавшееся в лесах без пропитания, стало стекаться в Пензу под защиту правительственных войск.

В 1812 году

Далеко от дорог войны лежит Пензенский край.

Уже пятый месяц отбивается Русь от наполеоновских войск.

В душные июльские ночи, как свеча, полыхал Смоленск, горели деревни и села Смоленской дороги, вот отгремели пушки Бородино, вот уже враг занял сердце русской земли—Москву.

А на Пензенщине тихо. Не дойти сюда врагам—ни пешим, ни конным, не угрожает глубинному краю армия захватчиков.

Но люди живут мыслью о всенародной беде, жадно ловят каждое известие о войне и делом стремятся помочь одолеть врага.

В крае идет сбор денег, хлеба, одежды и многого другого, что нужно для армии.

Бабушка Миши Лермонтова пожертвовала целых сто рублей; отец будущего писателя Загоскина — 150 рублей. Давали деньги и другие богатые дворяне и купцы. Крестьяне же отдавали последний грош, женщины вынимали из укладок вытканные в долгие ночи тугие свертки полотна и сукна. Пензенский край послал для фронта тысячи пудов сухарей, круп, соли, много холста, сукна, кож, лошадей, повозок и т. д. Если сосчитать, сложить и оценить все то, чем наш край в 1812 году поддержал свою армию, то получится огромная сумма в 2.500.000 рублей.

Но самое главное было то, что в Пензенском крае создавалось народное ополчение: многочисленные добровольцы-крестьяне добивались у помещиков разрешения вступить в ополчение, чтобы вместе с армией и партизанами идти бить «супостата-француза».

Помещики не могли помешать этому: ведь еще в июле, по указанию царя, обязалось дворянство и купечество создать за свой счет ополчение из своих крепостных людей, а также добровольцев — государственных крестьян и городских жителей; обязались их одеть и обуть, вооружить, снабдить продовольствием и отправить на фронт.

Формирование ополчения шло по округам.

Петербургское и московское ополчения давно уже дрались с врагами и теперь вместе с армией гнали французов по старой Смоленской дороге обратно, к границам страны. Формирование же ополчения Казанского округа, в который входила и Пензенская губерния, закончилось только в октябре 1812 года. Желающих вступить в ополчение было много. Были случаи, что крепостные даже убегали от своего помещика, чтобы записаться в ополчение. Причины этого вполне понятны: во-первых, люди горели желанием спасти отечество, а, кроме того, крестьяне знали закон, по которому солдат, отслуживший воинскую службу, возвращается на родину уже вольным, и надеялись, что, прослужив в ополчении, изгнав наполеоновские войска из России, — они тоже вернутся домой вольными, и ярмо крепостного права уж никто не посмеет надеть на бывшего ополченца, пролившего кровь за отечество.

К концу октября ополчение было собрано, обмундировано, снаряжено. Одежда ополченцев мало отличалась от обычной крестьянской одежды. Каждый ополченец, как

видно по документам 1812 года, имел при себе кафтан, шаровары из крестьянского сукна, полушубок, две рубахи, двое портов, кушак, подвертки, сапоги, рукавицы с варежками и платком, три пары запасных лаптей, мешок для поклажи, 2 рубля денег и на 3 месяца провiantа.

Вооружены были они лишь холодным оружием (пиками), но в сентябре 1812 г., по просьбе начальника ополчения генерал-лейтенанта Толстого, главнокомандующий армии Михаил Илларионович Кутузов прислал 10.000 ружей.

К концу октября ополчению можно было отдать приказ двигаться на фронт. Люди рвались в бой... но прошёл октябрь, прошёл ноябрь, а приказа все не было. Ополченцы глухо роптали: почему не ведут на фронтовые позиции? Почему держат в Инсаре да Чембаре? Слухи доходили, что взят уже нашими Смоленск, что под Березиной пропало-погибло французов видимо-невидимо, что недалек уже тот день, когда последний захватчик будет выброшен из пределов России. Волнение ополченцев нарастало:

«Неужто так и не придется сразиться с врагом?

А если не придется сразиться, не придется послужить отечеству—значит, прощай тогда надежда на волю, значит, опять—к барам в кабалу?

Ополченцы возмущались: «Где же начальство? Почему не дает приказа выступать? Сидят себе господа офицеры на теплых квартирах, — говорили иные, — в карты друг дружку обыгрывают, пьянствуют каждый день, а на что играют да пьют?

Ополченскую ведь казну пропивают! А мы голодные да холодные сидим, под дождем на часах мокнем, на морозе студимся...»

Это была правда. Офицеры не стеснялись кутить на глазах у ополченцев, полковое начальство наживалось за счет средств, отпущенных на ополчение, урезая и без того скудный ополченский паек.

В декабре сложился у рядовых ополченцев план: избавиться от начальства, которое не радеет о пользе отечества, и самовольно уйти на фронт. «Эх, братцы, — говорили наиболее горячие, — коль уж нельзя иначе — перебить бы всех господ офицеров, выбрать командиров из своих, двинуть всем ополченцам на француза, а потом повиниться государю императору; за службу оте-

честву, за пролитую кровь—неужто не простит тех, кто жив останется? Простит, как не простить! А как добьем врага, вернемся домой как солдатухи — может, кто руку-ногу потеряет, а все ж таки вольными, вольными домой-то придем!».

Об этом шептались в полках, этот план обдумывали ополченцы. И вот в Иисаре ранним утром 9 декабря без команды построились все ополченцы и двинулись на квартиры полковника и офицеров: кого связали, кого избивали сильно и засадили всех пойманных начальников в тюрьму; выбрали командиров из своих рядов и собрались в поход.

Но из Пензы на выручку полковника и офицеров уже спешили войска.

Через несколько дней восстание было подавлено. Десятки ополченцев заплатились своей жизнью, более двухсот человек—каторгой и ссылкой.

Но перепуганное начальство поняло, что больше медлить нельзя: в конце декабря был составлен приказ о выступлении в поход, и ополченцы приведены к присяге. Пензенское ополчение было двинуто к театру военных действий. Вышли третьего января 1813 года; путь шел через Тамбов—Курск—Прилуки—Киев, через Польшу, и в конце августа Пензенское ополчение вступило на землю Пруссии. К этому времени русская армия, изгнав захватчиков и перейдя первого января 1813 года границу, находилась уже на территории Пруссии.

Шла военная кампания 1813—1814 годов: надо было освободить от гнета французской буржуазии, от владычества Наполеона народы Европы.

Пензенское ополчение подросло к полосе жестоких боев. Осенью 1813 года оно участвовало в знаменитой Лейпцигской «битве народов»; в этой битве отличился конно-казачий полк Пензенского ополчения. Первого октября подошли к Дрездену и вместе с частями регулярной армии начали осаду города и крепости. Целый месяц Пензенское ополчение участвовало в непрерывных боях за Дрезден, наконец, 30 октября 1813 года тридцатичетырехтысячный гарнизон Дрездена во главе с двадцатью двумя генералами капитулировал. Многие свидетели-современники отмечали большую храбрость пензенских ополченцев; не раз ходил в контратаки конно-казачий полк, отлично действовали артиллеристы, бес-

страшно бросались в штыковые атаки на врага рядовые ополченцы-пехотинцы.

Из Дрездена ополчение было направлено к Магдебургу. Под Магдебургом произошло столкновение с большой колонной неприятельской пехоты. Стремительным налетом Пензенский конный полк атаковал колонну, имевшую при себе артиллерию, и обратил ее в беспорядочное бегство. Эта великолепная атака отмечена была приказом главнокомандующего по армии, в котором говорилось, что Пензенский конно-казачий полк может служить примером для всей кавалерии.

С января и до весны 1814 года Пензенское ополчение вело жестокие бои за Гамбург. Это была сильнейшая крепость, защищавшаяся большим гарнизоном французов во главе с знаменитым наполеоновским маршалом Даву... Осада была длительной и тяжелой, бои—кроваво-пролитными. Уже русская армия взяла Париж, а Даву все не сдавался. Только в конце апреля, окруженный со всех сторон русскими войсками, Гамбург, наконец, капитулировал. Война кончилась.

Победный парад русских войск в Гамбурге, в котором участвовали ополченцы, явился завершающим торжеством их героических дел. Слава русских гремела по всей Европе.

Пензенское ополчение двинулось на родину через Голштинию, Пруссию, Польшу, через Гродно, Могилев, Тулу, Ряжск.

Почти через год с момента своего выступления из Гамбурга, 14 апреля 1815 года, ополченцы пришли в Моршанск, а оттуда двинулись по своим деревням и поселкам. Не вернулось домой более двух тысяч погибших в боях; около пятисот раненых умерло в госпиталях.

Среди вернувшихся было свыше двухсот ополченцев—юношей шестнадцати и семнадцати лет, а также несколько мальчишек-ополченцев двенадцатилетних и тринадцатилетних. Они тоже проделали весь заграничный поход, являясь разведчиками, барабанщиками, связными.

Храбростью и воинскими подвигами прославили себя молодые ополченцы. Так, 16-летний Иван Гусев из села Андреевки Нижне-Ломовского уезда вернулся в чине унтер-офицера, который получил за храбрость; на груди его блестели два георгиевских креста. 14-летние ребята Егор Иршиков из села Бессоновки Пензенского уезда и

Михаил Ханжин из села Вазерки Мокшанского уезда тоже вернулись на родину унтер-офицерами с боевыми знаками отличия. Аким и Андрей Ивановы, юноши из села Долгоруково Мокшанского уезда, прославились как неустрашимые разведчики.

Ополченцы зрелого и пожилого возраста принесли домой сотни боевых медалей и крестов в награду за храбрость и отличие в боях.

Так, борясь против армии Наполеона, добывая врага на его земле и освобождая народы Европы, Пензенское ополчение прославило свой край. Но надежда ополченцев на свободу не сбылась. И после войны они все были возвращены в крепостную неволю.

СЛУЧАЙ В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

(Из жизни Миши Лермонтова)

Весной приехал отец, и радость Миши вылилась бурным порывом: мальчик повис у него на шее, повторяя, что лучше его никого нет на свете!

На этот раз Юрий Петрович уделил очень много внимания сыну. Он нашел, что Мише надо найти сверстников для игр—мальчиков, а не держать его постоянно в женском обществе.

Бабушка возразила, поджимая губы:

— С кем же ему прикажете играть? С крестьянскими детьми, что ли?

Юрий Петрович стал доказывать, что нет ничего в этом зазорного и что даже Петр Первый, — уж какой мудрый государь был!—а в детстве с кем играл? Из кого состояло потешное войско? Из слободских ребят! Значит, игры такого рода идут на пользу, а не во вред.

Поспорив с зятем, Арсеньева, кажется, впервые согласилась с ним. Юрий Петрович увлекся этой идеей и обещал помочь Мишеньке собрать потешное войско. Прежде всего для пробных боев надо будет устроить траншеи.

Юрий Петрович стал объяснять сыну некоторые вопросы тактики и вел делать чертеж траншей.

Канавы эти не должны быть прямыми. Нет. Нужно вырыть два больших круга на известном расстоянии

один против другого; но круг должен быть не простой, а вроде кольца планеты Сатурновой: один круг в другом.

Первый круг называется бруствер, глубиной он должен быть с Мишин рост, а вторая, параллельная ему канава так и называется параллель. В центре второго кольца должен быть вырыт ров. Зачем? Это Юрий Петрович расскажет потом.

Бабушка опять вставила свое словечко:

— Что ж, можно вырыть и такие траншеи, мне все равно. Как только наметят, где рыть, я велю освободить людей от барщины и согнать хоть полдеревни: одни мужики будут копать до обеда, а другие—с обеда до вечера, пока не кончат работу.

На другой день начались работы по устройству траншеи. К вечеру все было готово.

Теперь каждое утро Миша торопился завтракать и все поглядывал в окошко чайной комнаты, здесь ли ребята. Они собирались точно к назначенному часу во дворе, все одетые в военные, специально для них сшитые костюмы, очень гордые своим парадным нарядом. Ребята были вооружены: у каждого из них за спиной висело деревянное ружье, на поясе были привязаны сабля и большой пистолет. Шапки у всех были сшиты треугольные, с султанами.

У Васи Шубенна на груди висел рожок. Вася охотно и долго дудел, как только получал приказ. Ване Вертюкову дали барабан; он научился очень ровно выбивать дробь.

Когда Миша кончал завтракать, он подходил к раскрытому окну и кричал ребятам, чтобы они строились. Маленький командир выходил во двор, и все войско приветствовало его. Арсеньева любовалась, как Мишенька командовал и все маршировали, а потом уходили в траншеи. За войнами бежали Христина Осиповна, Лукерья, Андрей Соколов, доезжачий Потап и Абрам Филиппович¹. Перед траншеями отряд делился на два лагеря, и каждая партия пряталась в свои укрытия. После нескольких вылазок начинался отчаянный бой. Дядька Андрей, доезжачий Потапов и Абрам Филиппович следили, чтобы не было увечий. Но вот победа близка, Михаил Юрьевич вскакивает на вершину холма и водружает

¹ Христина Осиповна—гувернантка Миши Лермонтова; Андрей Соколов — его дядька, остальные — слуги бабушки.

флаг. Игра окончена, победители ведут пленных, потом мирятся и собираются все вместе, веселые и потные.

Однажды в игре ребята нечаянно поранили ногу Ване Вертюкову; пришлось сделать носилки и нести его домой, в деревню. Миша пошел провожать больного товарища. Когда подошли к избе, он испугался: из хаты валит черный дым клубами. От едкого дыма глаза слезились, в горле делалось горько, невозможно стало дышать. Ребята доложили атаману, что Ванша мать топит печку. Хорошо, если дрова сухие, а сырые горят еще хуже. Поэтому у всех крестьян избы внутри закопченные, а вся утварь и одежда пропитаны дымом и сажей. Немудрено, что в избе грязно, тем более, что все избы старые.

Миша стал допытываться, почему же крестьянам никто не ставит новых изб. Дядька Андрей объяснил, что в Пензенской губернии очень мало леса и он дорог, так из чего же строить?

Вот был бы лес, так построили бы новые избы, а ежели были бы кирпичи, то в избах поставили бы печки с трубой, как в барском доме, и не было бы дыма.

Миша не мог забыть, как он вошел в сени и наглотался дыма, а глаза стали слезиться; он, как в тумане, видел в сенях развешанные на гвоздях хомуты, прислоненные к черным бревенчатым стенам лопаты, грабли, мотыги и вилы; тут же стояли бочонки с кислой капустой и огурцами.

Потом ему довелось быть в гостях у Вертюковых, когда дыма не было, и Миша удивлялся, как это Ваня живет в такой голой избе. Там стоял в углу стол, а у стен—деревянные лавки; на них сидели, когда трапезовали, ночью на них спали, покрываясь летом холстиной, а зимой—зипунами или тулупами, потому что одеяла были не у всех. Спали не раздеваясь, и потому в избе стоял крепкий запах овчины и пота от долго невымытого тела. Зимой под спальные лавки хозяйка ставила клетки с курами, а в отгороженном углу стояла корова.

Возле русской печи—полка с посудой: глиняное блюдо, а на нем несколько ложек, вырезанных из дерева.

Отец Вани, небольшого роста, с окладистой бородой, одетый в заношенную рубаху и заплатанные порты, в лаптях, охотно вступил в беседу с барчонком:

— Что смотришь, милоч? Не видал еще нашей бедно-

сти? — Он вздохнул и продолжал говорить, обращаясь не то к самому себе, не то к мальчику: — Смотреть-то у нас нечего! Как деды живали, так и мы живем. Спокойного века изба наша стоит. Еще при Пугачеве стояла, а теперь вовсе разваливаться стала. А новую из чего строить? Леса-то нет! Как старый барский дом ломали, сколько бревен ослобонилось, уж как мы надеялись, думали, что крестьянам хоть пяток новых изб возведут. Аи нет! Все увезли к чужим людям, нам ничего не осталось... А какие бревна были огромные, крепкие, дубовые — еще простояли бы лет сто!

Миша расстроился. Он чувствовал себя так, будто попал в дремучий лес и не может найти оттуда не только дороги, но и тропинки. Что делать?

Тем временем Вертюков высказывал свои заветные мечты:

— Конечно, ежели бы Долгую рощу порубить, так можно было бы всем на деревне новые дома сделать...

Мальчик спросил с интересом:

— А всем бы хватило?

— Еще бы не хватило!

— Так почему же крестьяне не ходят в рощу и не берут себе на постройку, сколько им надо?

— Да кто же, милоч, им разрешит? Ежели без документа кто пойдет, тому взыскание будет. Сначала должен быть документ, а потом лес!

— Какой документ?

— От помещицы должен быть документ, что, дескать, дарю своим крестьянам Долгую рощу.

Но тут раздался встревоженный голос Христины Осиповны, которая разыскивала своего питомца, чтобы увести его домой.

Дома начались расспросы:

— Бабушка, почему крестьяне так плохо живут? У них душно, в избе, как в хлеву, и ничего нет—ни одежды, ни посуды, ни мебели. Кроватей даже нет! Они спят на досках, только с подушками.

Арсеньева досадливо отговаривалась:

— Мишенька, да ведь это же крестьяне! Им от века так положено жить, понимаешь? Это рабы помещика.

— А эти крестьяне — твои?

— Мои. А когда я умру, то все твои будут.

— Твои? Почему же ты не ходишь смотреть, как

они живут, если они твои? Почему ты им не помогашь? Мне небось сколько даришь лишнего, хоть и говоришь, что у тебя дом маленький и бедный. А ведь он хороший, чистый, и всего у нас много, а у крестьян ничего нет, Как же это так, бабушка?

— О господи! Ты подумай, Мишенька, если я каждому крепостному построю хороший дом, сколько на это денег уйдет? Весь свой капитал я им отдам, а сама должна буду жить в такой же избе, как они.

Но Миша утверждал, что надо построить крестьянам хорошие дома. Бабушка рассердилась, даже топнула ногой и приказала прекратить такие разговоры.

Бабушка напомнила, что приближается Мишенькин день рождения, и спросила его:

— Чего тебе хочется, драгоценный мой? Что тебе подарить?

Миша задумался и, наконец, ответил:

— Ты, может быть, не захочешь мне сделать такой подарок... Бабушка, разреши мне один день поуправлять именем!

Бабушка рассмеялась и разрешила. Ей даже понравилось, что Мишенька захотел похозяинничать. Он настойчиво спросил:

— Мне можно будет сделать так, как я хочу?

— Ну, разумеется! — согласилась бабушка.

Миша заволновался и сел писать; сосредоточенно и долго писал он что-то и прятал свои записи, а некоторые даже сжег на свечке.

На этот раз день рождения, восьмой год рождения Миши, праздновали не так торжественно, как в прошлом году, но опять так же съехались гости—родственники и соседи, и весь тарханский дом был наполнен веселыми голосами приезжих.

Утро торжественного дня началось выходом в домовую церковь. Собрались не только гости, но и крестьяне, в этот день освобожденные от работы.

Когда служба кончилась и бабушка занялась разговорами с поздравителями и со священником, мальчик быстро вышел на паперть, вынул из кармана большой сложенный лист бумаги, развернул его и громко окликнул крестьян:

— Уважаемые друзья!

Вокруг мальчика тотчас же образовалась толпа, и

все замерли, желая услышать, что им хочет сообщить Михаил Юрьевич. А он, волнуясь, твердо объявил:

— Сегодня день моего рождения. Бабушка разрешила мне один день управлять имением, как я хочу. Поэтому объявляю свою волю...

И он сказал, что намерен подарить крестьянам Долгую рощу для того, чтобы они ее срубили и выстроили себе новые дома.

Выслушав речь Михаила Юрьевича, крестьяне удивились и замерли. Переглядываясь, они стояли молча, переминяясь с ноги на ногу.

Но вот Миша передал крестьянам развернутый лист, на котором было написано детской рукой: «Дарю рощу Долгую тарханским крестьянам, чтобы они построили новые дома. Михаил Лермонтов». Миша достал карандаш и предложил крестьянам расписаться. В полном недоумении и в тишине крестьяне нерешительно подходили к листу бумаги, положенному на ступень лестницы, и ставили на ней кресты. Увидев множество поставленных крестов, Миша очень удивился и спросил, почему они не пишут буквами, а ставят кресты. Но его успокоили: каждый свой крест знает, а грамоте никто в деревне не обучен.

Тем временем вышел старик с длинной седой бородой, поклонился мальчику в пояс и сказал:

— Который год я на свете живу, скоро сто лет мне стукнет, ежели не помру, — такой речи от бар еще не слыживал. Вот тебе мое стариковское слово: не знаю, кто тебя надоумил и выполнит ли бабушка твою волю, а за то, что ты о своих мужиках подумал, большое тебе спасибо, низкий поклон!

Миша радостно и сердечно расцеловался с дедом. Но тут Христина Осиповна спохватилась, взяла его за руку и стала тащить домой.

— Я не хочу! — сурово ответил Миша и старался высвободить руку, но она сердилась и настаивала.

Мише стало неудобно, что Христина Осиповна кричит на него, как на маленького. Ведь крестьяне потеряют к нему уважение, ежели увидят, что гувернантка с ним так обращается!

Все молчали, прислушиваясь, с надеждой и лаской поглядывая на Мишу и переводя глаза на раскричавшуюся Христину Осиповну. На паперть вышла сама Ар-

сеньева. Миша поднял лист, бросился к бабушке и с торжеством показал ей «документ». Бабушка с недоумением прочитала написанную крупными буквами дарственную, побагровела и заволновалась. Не сказав ни слова, она раскланялась направо и налево и, сопровождаемая гостями, поспешила домой. Тотчас же призвала к себе брата Афанасия Алексеевича и заперлась с ним у себя в спальней, а внука к себе не велела допускать.

Миша, смущенный гневом бабушки, убежал от гостей, которые ему задавали разные вопросы, и в слезах пожаловался Юрию Петровичу, приехавшему на день рождения сына, что бабушка своего слова не держит. Отец сочувственно приласкал его.

К торжественной трапезе вышла, наконец, заплаканная бабушка под руку с Афанасием Алексеевичем. Когда обед был окончен и гости встали из-за стола, бабушка опять вместе с братом удалилась в спальную и велела Христине Осиповне привести Мишу, который и предстал перед ней, суровый и хмурый.

Афанасий Алексеевич строго, как никогда, сказал, что Михаил, очевидно, своим поведением хочет сократить дни своей бабушки, начав бунтовать крестьян. Арсеньева тут же залилась слезами.

Миша возразил, что бабушка дала ему разрешение управлять именем один день так, как он захочет, но Афанасий Алексеевич перебил мальчика, сказав, что он не имел никакого права так действовать, не предупредив бабушку о своем намерении. Ведь бабушка не говорила, что после ее смерти он может распорядиться ее именем как хочет, но ведь к тому времени Миша станет взрослым и поймет, что надо и чего не надо делать. А теперь какое безумство он затеял: вырубить всю Долгую рощу, которая стоит несколько тысяч, и для чего? Чтобы поставить крестьянам новые дома!

Арсеньева рыдала. Афанасий Алексеевич просил ее успокоиться и сказал, что теперь ему самому придется выступить с речью перед крестьянами, а Миша должен при этом присутствовать, слушать, что будет сказано и молчать.

— Иначе я выпорю тебя при всех, ежели ты скажешь хоть слово! — добавил Афанасий Алексеевич таким зловещим голосом, что мальчик побледнел и осекся, только недобрый огонь сверкнул в его глазах.

Втроем они вышли на балкон, за ними побледневшая Христина Осиповна и Андрей Соколов, который нежно и сочувственно держал в своей руке маленькую ручку мальчика.

Крестьяне же с утра волновались и ни о чем другом не говорили, как только о подарке Михаила Юрьевича. Они толпились во дворе невесело, и песни и пляски сегодня не клеились.

Афанасий Алексеевич подошел к перилам балкона и поднял руку. Это было знаком того, что он намеревается говорить, и все крестьяне тотчас же затихли и подошли к дому поближе.

Афанасий Алексеевич громко и четко сказал, что сегодня, в день своего рождения, Михаил Юрьевич пожелал позаботиться о своих крестьянах, но по малолетству своему, не зная законов, не зная, что он является не владельцем, а только наследником имения, распорядился самовластно. Владелец же и хозяин Тархан не он, а помещица Арсеньева Елизавета Алексеевна, которая любит своих крестьян, как мать родная, и имеет о них материнскую заботу и попечение.

Крестьяне, выслушав это сообщение, стали переглядываться и переговариваться. Афанасий Алексеевич, заметив это, повысил голос и продолжал:

— Внук госпожи Арсеньевой говорил о постройке крестьянам новых домов. Действительно, новые избы будут выстроены крестьянам, которые принадлежали сначала мужу помещицы Михаилу Васильевичу Арсеньеву, затем перешли по наследству к его дочери Марии Михайловне, а нынче принадлежат самому Михаилу Юрьевичу.

Услыхав такие слова, переведенные из имения Арсеньевых крестьяне, которые жили по чужим углам и сараям, пришли в восторг и начали радостными криками выражать свое удовольствие.

— Крестьянам этим будет отведено место и выстроены новые избы,—продолжал Афанасий Алексеевич.—Это будет новый поселок. Тарханские же крестьяне... — тут насторожились все тарханцы, стали шикать на крестьян Михаила Васильевича, чтобы те утихли,—тарханские же крестьяне, о нуждах которых болеет помещица Арсеньева, получают из кирпичной несколько тысяч кирпичей, чтобы сложить у себя в домах печи. Госпожа жалеет бедный

люд и желает, чтобы они не топили по-черному и не страдали бы от дыма.

Тарханские крестьяне тоже очень обрадовались, хотя тотчас же начали между собою перешептываться, что в «кирпишной» кирпичей-то немного и на всех не хватит, что придется собраться миром, как следует поработать, чтобы изготовить нужное количество кирпичей, но управитель Абрам Филиппович прекратил эти разговоры, крикнув громко:

— Помещице нашей, матушке-барыне Елизавете Алексеевне, многая лета! Ура!

— Ура!—жиденьким хором отозвались крестьяне.

Абрам Филиппович помедлил, ожидая, чтобы стали кричать громче, а когда этого не последовало и голоса стали затихать, крикнул:

— А также наследнику имения Тарханы, малолетнему Михаилу Юрьевичу, многая лета! Ура!

Тут раздался неистовый взрыв восторженных криков. Приветственные возгласы не умолкали долго, и Абрам Филиппович, желая разрядить общее волнение, пошел плясать трепака, а за ним и другие.

Мальчик же стоял молча, протягивая руки крестьянам: крупные слезы, помимо воли, катились из его темных глаз...

После ссоры из-за Долгой рощи отношения его с бабушкой стали заметно холоднее.

В. Г. БЕЛИНСКИЙ И ПЕНЗЕНСКИЙ КРАЙ

Виссарион Григорьевич Белинский родился в 1811 году в Свеаборге, на берегу Балтийского моря, где в то время служил его отец, но мы, пензенцы, по праву считаем его своим земляком. Детские и юношеские годы Виссарион Григорьевич провел в наших пензенских краях в гор. Чембаре (ныне г. Белинский). Здесь он начал учиться, здесь впервые столкнулся с жестокостью и несправедливостью, здесь в душе мальчика начал зреть протест против всего, что унижает и уродует человека.

Семья Бельнских (отец Виссариона — Григорий Никифорович получил фамилию от названия села Бельни, где он родился) переехала в Чембар в 1816 году. В

1818 году Григорий Никифорович построил просторный дом, в котором жил с женой и детьми. Сейчас в этом доме располагается музей великого критика.

Чембар и тогда назывался городом и был центром обширного уезда. В нем было свыше трехсот домов, в том числе пять каменных. Население Чембара сплошь было неграмотным, в городе не было ни одной школы, ни одной библиотеки, а на весь огромный уезд приходился единственный врач — Григорий Никифорович Бельинский, который окончил Петербургскую медико-хирургическую академию и служил до переезда в Чембар лекарем на военном корабле в Балтийском флоте.

Когда Виссариону было восемь лет, учиться ему было негде, а нанимать учителя-гувернера у отца В. Г. Бельинского, небогатого уездного лекаря, не было средств. Грамоте маленький Виссарион выучился у местной жительницы Екатерины Павловны Ципровской, которая за небольшую плату брала в свой дом нескольких мальчиков — детей бедных дворян и чиновников, и обучала их. Научившись читать, Бельинский пристрастился к книгам.

В 1822 году в Чембаре открылось первое уездное училище. Это здание сохранилось до настоящего времени. Виссарион искренне радовался открытию училища. Вместе с братом Константином и родственником Дмитрием Ивановым он был зачислен в первый класс. Всего училось 35 мальчиков.

Новое училище не имело ни учебников, ни карт, ни тетрадей, ни школьной мебели. Через восемь лет после открытия его, смотритель (так назывался директор) доносил в Пензу о том, что в училище нет никакой казенной мебели. «Даже учителя принуждены бывают приносить с собой стулья, чтобы на них сидеть», — писал он. Мальчики сидели на грубо сколоченных скамьях, за длинными, неудобными столами. Единственным учителем по всем предметам был Авраам Григорьевич Греков. По воспоминаниям, это был спокойный, добрый человек, который очень любил учеников и редко наказывал их. Мальчики тоже любили своего учителя, ходили с ним в интересные экскурсии, читали вместе книги, много беседовали.

Затем учителем по русскому языку и словесности назначили Василия Рубашевского. Новый наставник был любителем наказаний. Он часто сек розгами и прилеж-

ных мальчиков. Бывали случаи, когда ученик отвечал урок так хорошо, что его надо было похвалить, а Рубашевский порол его розгами, приговаривая: «Это тебе на будущее годится».

Виссарнион быстро выделился среди товарищей своим развитием и способностями. Он жадно читал разнообразные книги. С хорошей книгой старался уединиться на чердаке или в огороде, чтобы никто не мешал ему следовать за любимыми героями рассказов и сказок. Читая, Виссарнион выписывал понравившиеся места сочинений в свою тетрадь. Это помогало ему развивать память. Любимыми писателями Белинского этих лет были Державин, Карамзин, Жуковский.

В 1823 году для проверки Чембарского уездного училища приехал директор народных училищ Пензенской губернии И. И. Лажечников. Во время экзамена, который провел И. И. Лажечников, Виссарнион Белинский отвечал особенно хорошо. «На все делаемые ему вопросы,—вспоминал Лажечников,—он отвечал так скоро, легко, с такую уверенностью, будто налетал на них, как ястреб на свою добычу... и отвечал большей частью своими словами, прибавляя ими то, чего не было даже в казенном руководстве. Доказательство, что он читал и книги, не положенные в классах. Я особенно занялся им, бросался с ним от одного предмета к другому, связывая их непрерывной цепью и, признаюсь, старался сбить его... Мальчик вышел из трудного испытания с торжеством». Это была первая встреча Лажечникова и Белинского. Позднее они стали друзьями, а И. И. Лажечников, написавший интересные исторические романы «Ледяной дом» и «Басурман», всегда с глубоким уважением отзывался о великом критике.

Будучи учеником, Белинский изучал не только книги. Он видел вокруг себя жизнь крепостных крестьян. Из рассказов отца, мальчиков, которые учились оспoprививанию у Григория Никифоровича, Виссарнион Белинский все больше и больше узнавал о тяжелой доле русского народа: об издевательствах помещиков, о восстаниях крестьян. Отец рассказал ему, как их соседка княгиня Кугушева насмерть запорола девушку-служанку за разбитую, по неосторожности, крынку с молоком. Прогуливаясь около села Волчково, Григорий Никифорович не раз показывал сыну могучий вяз на окраине села, на

котором был повешен во время восстания Пугачева здешний помещик. В детские годы В. Г. Белинский много слышал о злоупотреблениях чиновников, о проделках полиции, о жестокости дворян. Уже в то время Виссарион думал о том, как облегчить жизнь русскому народу.

Летом 1825 года Виссарион Белинский окончил уездное училище. За хорошие успехи в учении он получил похвальный лист. Пролетело лето. В августе В. Г. Белинский стал учеником первого класса Пензенской гимназии.

Гимназия находилась недалеко от центра города. Квартировал Виссарион у художника Петрова, на Верхней Пешей улице (ныне улица Куйбышева) вместе с родственником Дмитрием Ивановым. До наших дней сохранилось здание гимназии, в котором учился В. Г. Белинский.

На углу улиц Кирова и Карла Маркса стоит двухэтажный белый дом с массивными стенами, сейчас здесь начальная школа. Это и есть бывшая гимназия.

Учиться В. Г. Белинскому в Пензе пришлось в тяжелые годы царствования Николая I. В 1825 году против царя восстали передовые дворяне — революционеры-декабристы. Они хотели свергнуть самодержавие, но, не связанные с народом, декабристы были разгромлены. Царь испугался восстания и ополчился прежде всего на народное образование. Царские чиновники хотели искоренить из преподавания все живое, новое, научное. Во всех учебных заведениях главное внимание отводилось «Закону божьему».

Такое же положение было и в Пензенской гимназии. Прежде всего изучали богословие, науке же отводилась второстепенная роль. Все, что не согласовалось с учением религии, из науки вычеркивалось. Лучшие учителя изгонялись из гимназии; дети крепостных не допускались к обучению, а тех из них, которые успели поступить раньше, — исключали. Так был исключен из гимназии сын крепостного Дмитрий Калинин, с которым В. Г. Белинский дружил целый год и сидел на одной парте. Чтобы дружить с крепостным, надо было иметь твердый характер. Гимназисты большей частью были из дворян и богатых купцов, они свысока относились к детям крепостных и к тем, кто с ними дружил. Но Виссарион Белинский не боялся пересудов молодых дворянчиков и наперекор всем избрал себе в товарищи сына дворо-

вого человека Егора Дмитрия Калинина. Виссарион Белинский был неподкупен, горячо ненавидел лицемерие и фальшь, а поэтому его любили товарищи и многие побавлялись его смелого осуждения.

Учился Виссарион хорошо. Первые два класса он окончил с похвальным листом, а при переходе в третий ему подарили книгу с надписью «Пензенской гимназии ученику второго класса Виссариону Белинскому за благонравие и успехи из логики и риторики, истории и географии». Особенно хорошо учился Белинский по истории.

Он был замечательным рассказчиком. Товарищи звали его «Маленький Перикл». Очень хорошая память Виссариона помогла ему быть первым учеником и по географии. «Закон божий» Белинский не любил. Уже с первого класса он редко посещал уроки законоучителя, а в третьем классе совсем перестал ходить на них.

«Лучше я употреблю этот час на чтение»,—говорил Белинский.

Он очень много читал. Юноша Белинский искал книги, где только мог: был читателем гимназической библиотеки, брал книги из личных библиотек родителей своих друзей, покупал их у проезжих торговцев.

Годы учения Белинского в Пензе были годами его необыкновенно быстрого развития. Он хорошо знал русских и западноевропейских писателей. Свободолюбивые стихи Пушкина, патриотические строки поэта Рылея, поэзия декабристов, а главное—тяжелое положение народа воспитали в нем ненависть к существующему строю, к царю, дворянам, помещикам, чиновникам и полицейским.

Большую роль в развитии Белинского сыграла товарищеская среда в Пензе. Во флигеле, где квартировал Белинский, часто собирались гимназисты. Они вели горячие споры о литературе, о жизни народа, о несправедливости дворян, чиновников и даже самого царя. Восстание декабристов, частые восстания крестьян волновали юношей, заставляли задумываться о будущем России.

В. Белинский не закончил гимназии. Охлаждение к ней началось уже с первого класса.

В первом классе гимназии и последнем классе уездного училища учили одно и то же, а юноша Виссарион хотел получить как можно больше знаний. Хорошие

учителя в гимназии были редкостью, так как их обычно увольняли. Возмутило Белинского и отношение к гимназистам. За незнание урока, за малейшую шалость учителя не только ставили плохие оценки, но и жестоко наказывали учеников: таскали за волосы, били линейками, оставляли без обеда, секли розгами.

Еще в 1828 году Белинский решил поступить в университет и добился своего. Весну и лето 1829 года он упорно готовился, а в августе успешно сдал вступительные экзамены и стал студентом Московского университета.

Пензенский период оставил глубокий след в жизни великого критика. Именно здесь, после мучительных поисков своего пути в жизни, он решил посвятить себя делу борьбы за народное счастье.

ВОЛНЕНИЯ НА АВГОРСКОМ ЗАВОДЕ

Авгорский завод был основан еще в 1754 году в Краснослободском уезде, при запруде реки Авгоры.¹ В середине XIX в. он принадлежал помещику Манухину.

Завод выплавлял в год до 25 тыс. пудов чугуна, 200 с лишним человек работали от зари до зари и получали в месяц 2 рубля 20 копеек серебром, а женщины и подростки—и того меньше—1 руб. 10 коп.—1 руб. 20 коп. За малейший брак рабочих безжалостно штрафовали, а нередко применяли и телесные наказания. Существовала, как обычно в то время, и лавка при заводе, отпускавшая—втридорога!—товары в долг.

В одной из своих жалоб мастеровые писали: «Есть у него, Манухина, управляющий на Авгорском чугуноплавильном заводе Данилов, который нас ни за что наказывает, бьет, мучит до полусмерти».

Крестьяне получали за свой труд на заводе еще меньше, чем мастеровые. Манухин к тому же захватил под свою запашку 150 десятин земли, находившейся до этого в фактическом владении крестьян деревни Русской Маскиной.

Все это обостряло недовольство рабочих людей и приписных крестьян и привело, наконец, к открытому

¹ Теперь это территория Мордовской республики.

взрыву. Четвертого января 1858 года мастеравые Авгорского завода прекратили работы и явились к заводчику с требованием повысить зарплату и вернуть землю, отнятую у крестьян деревни Русской Маскиной. Получив отказ, они пошли все вместе в уездный городок Краснослободск и, вызвав краснослободского предводителя дворянства, повторили ему свои требования. Тот, разумеется, отказал, но когда он попытался арестовать «главных зачинщиков» волнения, толпа отбила арестованных и ушла из города. Волнения продолжались. Двадцать первого января в деревне Русской Маскиной произошло столкновение крестьян с войсками: толпа крестьян в 200 человек, вооруженная дубинами, кольями и топорами, напала на две роты солдат, присланных в деревню для усмирения крестьян; несколько солдат и один офицер были ранены. Сопrotивление войскам попытались оказать и рабочие.

Но волнения были подавлены. Одиннадцать маскинских крестьян были арестованы, судимы военным судом и приговорены к жестокому наказанию — по 900 ударов розгами и ссылке на каторгу на 20 лет. Шестерых рабочих Авгорского завода после наказания розгами отправили в арестантские роты. Однако, несмотря на устрашающую расправу, авгорские рабочие и приписанные к заводу крестьяне снова и снова поднимались на борьбу: трижды в том же 1858 году (в июне, июле и декабре) и весной 1859 года.

Напуганное возрастающими волнениями крестьян и рабочих людей во всей стране, правительство вынуждено было оказать давление на Манухина. С первого августа 1859 года на заводе ввели новые, повышенные, расценки.

Но уступка заводчика была незначительной, и рабочие и приписные крестьяне продолжали волноваться и в следующем, 1860 году. Так авгорские рабочие и маскинские крестьяне явились заметным отрядом бойцов в общенародной борьбе за ликвидацию крепостного права в России.

НАШ КРАЙ В ЭПОХУ ЗАРОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИЗМА

ЧЕРНОГАЙ-КАНДИЕВСКОЕ ВОССТАНИЕ

Шел тревожный 1861 год.

Губернский город Пенза в теплый мартовский вечер выглядел мирно и сонно.

На большой Соборной площади в губернаторском доме ярко светились окна; только четыре окна на втором этаже, задернутые тяжелыми шторами, не пропускали света. Там в кабинете вот уже третий час губернатор и присланный недавно из Петербурга «генерал-майор свиты его величества» Дренякин обсуждали положение, сложившееся в Чембарском уезде.

Давно ли, казалось, все шло благополучно? Царский манифест о воле прочитан после обеда в прошлое воскресенье во всех церквях; «Положение» прочитали на сходках, все было тихо и мирно. Двадцать пятого, всего три дня назад, отправлено царю донесение, что в Пензенской губернии полное спокойствие и порядок.

А сегодня—как гром среди ясного неба! Примчался курьер от чембарского исправника и привез известие: уваровские мужики взбунтовались. Манифесту не верят. В селе Черногай кричали на сходке: «Где воля? Где земля?» В селе Высоком Леонтий Егорцев объявил: «Земля теперь вся наша! Сам царь отдал...» И на барщину черногаевцы и высоковцы не пошли. По их примеру уже поднялись мужики селений Ершова и Грязнухи, и по всему видно — это только начало.

Губернатор и генерал разговаривали вполголоса. Дренякин поднялся, откашлялся и закончил: «Буду просить военного министра отменить летние учения

шестнадцатой дивизии. Войска, расположенные в губернии, должны быть наготове, под рукою».

Ясным апрельским днем по проселочной дороге мчалась тройка. Телега была запряжена некрупными крестьянскими лошадами. Над головами ехавших на тройке трепетал красный девичий полушалок, похожий на пламя. Двое седоков помоложе придерживали шест, чтобы знамя было видно издалека.

Третий, старик, сидел впереди, рядом с крестьянином, правившим лошадьми, и молча смотрел вперед. Это Леонтий Васильевич Егорцев ехал со своими товарищами поднимать крестьян Пензенщины на борьбу за землю и за настоящую волю.

«Та воля, которую пол прочитал в воскресенье,— подложная, попами да дворянами скроенная. И манифест-то царский—подложный. А настоящую волюшку— без оброков, без барщины, без дворянского начальства—ее добыть надо!

Настоящая-то воля — это когда вся земля наша! Только найти ее надо!»—так искренне думал шестидесятипятилетний крестьянин села Высокого Леонтий Егорцев. Эти слова он и говорил всем крестьянам. И в ответ люди бросали барскую работу, отказывались платить оброк, громили конторы управителей, обыскивали дома попов, перерывая бумаги, все искали настоящий царский манифест, который должен быть, думали они, с золотой печатью и в котором написана настоящая воля. За высококовцами и черногаевцами поднялась уже Кандиевка, а за нею и другие села Керенского уезда: Черкасское, Ильинское, Петровское и многие иные...

Движение, как пламя, разлилось по всей округе. Волнения охватили Чембарский и Керенский уезды на Пензенщине, Моршанский и Кирсановский уезды соседней Тамбовской губернии.

Вначале во главе борьбы шло село Высокое. Потом центром движения стал Черногай.

Утром 10 апреля Черногай котлом кипел: больше трех тысяч человек сошлось сюда из тридцати трех сел и деревень. Приехали и уездные власти для наведения порядка — исправник, пристав вместе с управляющим вотчины Уварова, и с ними рота солдат.

Крестьяне собрались к дому, где остановилось

начальство и вызвали на улицу исправника. Над толпой стоял гул. Над головами виднелось самодельное оружие.

— Чего вы собрались? — обратился исправник к толпе.

— Да вот, новую волю от тебя послушать хотим.

— Но се вам уже читали?

— Читали, да не ту.

После того, как исправник, разъясняя «Положение», потребовал от крестьян возобновить работу по-старому, разговор принял более решительный оборот.

— То есть как это? На помещика?

— Да.

— Ни в жисть!

— Но ведь закон приказывает, сам царь приказал.

— Не верим. Помещику мы больше не подневольные. Мы теперь государевы.

Вся толпа грозно загудела. Исправник решил припугнуть крестьян и велел солдату-рассыльному немедленно принести кандалы. Тот побежал в избу, и через минуту вновь появился на крыльце. Короткий резкий звон железа прозвенел в воздухе. Толпа затихла; точно оцепенела, и расступилась перед солдатом. Он прошел сквозь нее, позвякивая страшной связкой.

Но как только исправник сказал сквозь зубы: «Хватай!» и сам протянул руки к стоящему рядом старику крестьянину, намереваясь надеть на него кандалы, оцепенение людей как рукой сняло. Толпа взорвалась.

— Да вяжите их самих! Барами подкупленные... Куй их самих в кандалы!

Взметнулись сотни рук...

Не успели начальники опомниться, как оказались на земле скованными по рукам и ногам; заодно сковали и солдата. Поручик Лиденбаум ударил сбор, скомандовал, и роту кинули на выручку начальства. Но она оказалась окруженной трехтысячной толпой, пустившей в ход свое оружие — колья, вилы, топоры. Вот один старик занес над головой поручика огромную жердь — поручик выхватил револьвер, и убитый наповал крестьянин грохнулся навзничь. Толпа охнула... И еще яростней стала биться с солдатами. Вот уже вырвали несколько ружей... Но раздалась команда: «Пли!» — и еще

унало несколько человек. Толпа дрогнула и остановилась.

Рота медленно отступала вдоль улицы.

Через мгновение крестьяне снова бросились на карателей... Снова грянул залп, и снова унали безоружные люди.

Рота переправилась через овраг и, отстреливаясь, ушла в соседнее село Черново.

Черногаевцы победили. Карателей прогнали, скованное начальство держали в избе сотского под арестом. Но что делать дальше — они не знали. У крестьян не было ни организации, ни плана действий, ни вожака.

Те, кто пришел из соседних деревень, вскоре стали расходиться по домам. Многие заколебались: что-то будет?

И когда поздно вечером новая воинская команда — 9-я рота Тарутинского полка вошла в Черногай и освободила арестованных, крестьяне не оказали ей сопротивления.

После 10 апреля центр восстания переместился в Кандиевку. Село это стояло на границе трех уездов — Керенского, Чембарского и Моршанского, к нему вели дороги из многих восставших селений; отсюда в соседние села и деревни выезжали верховые за подмогой, в Кандиевку приехал и Леонтий Егорцев. Движение распространялось все шире и шире. Со всей губернии стали стягивать войска к Чембару и Керенску.

12 апреля в район восстания выехал из Пензы сам генерал Дренякин. Он вступил с войсками в Черногай, арестовал там двенадцать «злостных бунтовщиков» и под усиленным конвоем отправил их в Пензу. На другой день генерал Дренякин двинулся в Высокое, надеясь захватить там «главного зачинщика» Леонтия Егорцева; но Егорцев уже был в Кандиевке.

Вечером 16 апреля Дренякин прибыл в Кандиевку. Он попробовал уговорить крестьян, однако в ответ получил единодушный отзыв: «Не будем работать на помещика, и на оброк не хотим, хоть всех перевешай!»

Генерал увидел стоявшего в первом ряду отставного солдата в мундире с четырьмя медалями на груди, он смело смотрел генералу в лицо и вместе со всеми отказывался повиноваться. Это был семидесятидвухлетний Андрей Семенович Елизаров, ветеран Отечественной

войны 1812 года, участник взятия Парижа, награжденный за боевые заслуги.

Генерал бросился на ветерана, сорвал с него медали и приказал арестовать. Елизарова увели.

Второй день прошел в бездействии. Дренякин послал за делегатами от крестьян, но никто к нему не пришел.

Между тем в Кандиевку прибывали войска.

Дренякин готовился к следующему дню как к настоящему сражению: две роты он расположил в двух верстах от Кандиевки на перекрестке, одну оставил для охраны господского дома, а остальные четыре предназначил для боевых действий в самой Кандиевке.

Восемнадцатого апреля утром на площади села собралась одиннадцатитысячная толпа крестьян. Когда генерал потребовал полной покорности, крестьяне единодушно ответили: «Не повинемся! Ничего не хотим! За бога и царя умираем, а на работу к господам не пойдем!»

Тогда Дренякин дал команду стрелять. Трижды раздавалась команда, трижды гремели залпы.

«Крестьяне валялись как снопы, — вспоминал очевидец, — остальные стояли неподвижной стеною, как будто бы не сознавая того, что эти залпы унесли много жизней».

Через несколько лет офицер Худеков, один из свидетелей Кандиевского расстрела, вспоминал, какое впечатление произвела на других офицеров стойкость крестьян. «Во время боя, — говорили они, — если в какую-либо часть войск стреляют на близком расстоянии, то обстреливаемая часть никогда не может устоять на месте: она или бросается вперед, или же в паническом страхе рассыпается по сторонам. Кандиевские же крестьяне выдержали три залпа чуть ли не в упор, и все-таки не дрогнули; они стояли неподвижно, глядя смело вперед». «Всем бы этим мужикам за их стойкость по Георгию повесить на кафтан!» — перешептывались между собою офицеры.

Беспримерная стойкость восставших крестьян заставила генерала Дренякина изменить тактику; он приказал роте, стоявшей на фланге, отрезать часть крестьян от остальной толпы. Солдаты отрезали и окружили 410 восставших. Остальные отошли в глубь Кандиевки и к ночи

покинули селение. На месте кровавой расправы осталось лежать восемь убитых и двадцать семь тяжело раненных крестьян.

Захваченные 410 крестьян (из четырнадцати селений трех уездов) выведены были в поле. К ним приблизился Дренякин и заявил, что если крестьяне покорятся, он готов их помиловать. Ответ был: «Умрем все, но не повинемся!» Тогда Дренякин здесь же на месте образовал судную комиссию из офицеров, которая стала вызывать крестьян по одному. Выслушав отказ покориться, комиссия тут же выносила приговор: сто одиннадцать человек были приговорены к наказанию шпицрутенами от 200 до 500 ударов и к ссылке в Сибирь, 58—к наказанию розгами. Пороли крестьян тут же, в барской усадьбе...

После Кандиевки карательная экспедиция Дренякина появилась в селе Покровском, потом в Высоком, Пенме, Чернышево. И всюду производила аресты, суд и расправу.¹

Черногай-Кандиевское восстание — самое выдающееся событие в крестьянской борьбе против реформы 1861 года в России. В районе восстания входило свыше 120 сел с сорока пятью тысячами бывших крепостных крестьян. Надолго запомнилось оно пензенскому крестьянству и многому научило.

«УСТАВНУЮ ГРАМОТУ НЕ ПРИНИМАЕМ!»

Это было в 1862 году. В сугробах снегов спряталась небольшая деревенька Мокшанского уезда Назарь-свца—вотчина господина Ахматова — всего 25 дворов, 147 мужских душ (а всех 300).

Тревожно было в деревне: чуть сошлись двое-трое—разговор об одном: что будет? Испокон века сидели на баршине. Прошедшей весной объявили волю, а какая воля? Обман один... Как дальше будем жить?.. Хорошего не жди, жди худого...

Тридцатого января посредник читал уставную грамо-

¹ Леонтия Егорцева искали по всей губернии, но не могли найти: крестьяне тайно вывели его из Кандиевки, и он, скрываясь, переходил из села в село; в мае 1861 года он тяжело заболел и умер.

ту, составленную для назарьевцев: в ней было указано, какая земля дается в надель крестьянам, какая отходит барину; расписаны были барщинные дни: и с каких часов выходить и сколько сработать за день — вспахать ли, скосить, иль засеять — и все — задаром, все — «до выкупа земли». «А на выкуп, — сказал посредник, — барин согласия не дает. Так что, походите на барщину».

С утра до вечера шумел сход: «Не-е-ет!.. Не согласны! Не пойдем, не подпишем! Никто не смей подписывать грамоту, не перечь миру!» А меж собой тихо переговаривались: «Сысой Замерзаев с Лаврухой Шепелевым, слышь, в воскресенье были в уезде... говорили, там слух идет — продержаться два года надо... А через два года наступит «слушной час» — настоящая воля объявлена будет: без барщины, без оброков, а земля — вся наша».

Посредник до хрипоты кричал, убеждал сход. Наступил вечер. Уставную грамоту не приняли. Не раз, и не два пыталось начальство уговорить назарьевцев: приезжал снова посредник, приезжали исправник (начальник полиции) и предводитель дворянства из уезда, приезжал от губернатора — чиновник по особым поручениям. А чтоб «понятней» были уговоры — 21 февраля в Назарьевку ввели роту солдат и арестовали Шепелева и Замерзаева.

Но назарьевцы по-прежнему уставную грамоту не подписывали. Тайком от начальства составили они жалобу царю: «...распределена нам для хлебопашества земля совершенно негодная... горы, овраги, да солончатая». И просили совсем немного: просили землю на выкуп, чтобы хоть как-нибудь покончить с ненавистной барщиной.

Двое ходоков отправились в столицу. Они добрались до Петербурга и подали в министерство внутренних дел жалобу на имя царя. Ответ им велено было ждать на месте, и ходоки отправились домой.

А на назарьевцев смотрела вся округа: в окрестных селах тоже перестали принимать уставные грамоты, и когда ходоки вернулись из Петербурга, к ним потянулись люди со всех сторон.

«Со всех окольных сел и деревень — подвод до 80

ежедневно», — с тревогой сообщал начальству волостной старшина.

Обоих ходоков немедленно посадили в тюрьму. Между тем приближалась весна, приближался сев. Вновь в Назарьевку прискакали исправник, чиновники из губернского центра. Вновь и вновь собирали сход. Теперь уже не только уговаривали и угрожали: начали жестоко сечь несогласных.

Скоро пришла бумага из Петербурга. Начальство с торжеством прочитало на сходе «высочайшее повеление» назарьевцам «повиноваться помещику и законным властям».

— Воля ваша, что хотите с нами, то и делайте, а на барщину не пойдем, — отвечал сход.

Двадцать пятого апреля для устрашения на сходе наказали розгами четверых крестьян. Двадцать восьмого устроили массовую порку. Третьего мая пытались во что бы то ни стало заставить пахать помещичьи поля, однако «...выслать их было невозможно, — писал исправник, — потому что они сами собою не шли... Нужно было их тащить».

Седьмого мая крестьян, оцепленных воинской командой, вывели на пашню. На барском поле было расставлено 23 сохи. 23 солдата тянули под уздцы лошадей, запряженных в сохи. За каждой сохой шли два солдата. Они вели пахаря, прижимая его руки к рукоятке сохи. На меже бесновался офицер: в сотый раз подавал он команду «пахать», но пахота не шла. Крестьяне падали на землю; на них сыпались удары; их поднимали и ставили к сохам... В другой, в третий, в десятый раз... Они снова падали. Это длилось до часу дня. На другой день было то же самое, а вечером исправник в отчаянии писал губернатору: «Все старания мои и средства, с 25 апреля и по 9 мая мною принимаемые к приведению крестьян к послушанию, остались безуспешными». Шел к концу уже четвертый месяц сопротивления назарьевцев. Из Петербурга поступали запросы—удалось ли справиться с крестьянами вотчины Ахматова. — «Упорство прошу переломить» — телеграфно требовал министр Валуев.

23 мая в Назарьевку прибыл пензенский губернатор. Был собран сход. Крестьян поставили на колени, и губернатор приступил к «увещаниям». Однако на все его

уговоры и угрозы сход повторял, что на барщину по уставной грамоте Назарьевка не пойдет. Губернатор перешел к розгам, но и это не помогло. Тогда был назначен военный суд. Одиннадцать крестьян, которых сочли главными зачинщиками, присудили к телесному наказанию, каторге от четырех до шести лет и вечной ссылке в Сибирь. Начальство решило наказывать крестьян в с. Назарьевке на виду у всех ее жителей. Туда «для науки» было послано по 2 человека от каждого села Мокшанского уезда. 9 июня 1862 года большая толпа собралась в Назарьевке. Произошло публичное истязание одиннадцати крестьян-назарьевцев: четверым «главным виновникам» Замерзаеву, Шепелеву, а такжеходакам Земскову и Чижикову было назначено по 400 ударов шпицрутенами, остальным по 300—розгами. Но ни шпицрутены, ни кровь, лившаяся ручьем, и отправка одиннадцати односельчан на каторгу не сломили, к великому изумлению начальства, стойкости крестьян. И даже в этот страшный день, 9 июня, согласия работать по урочному положению уставной грамоты Назарьевка не дала. Тогда немедленно, во второй половине этого же дня было собрано новое заседание военного суда, которое вынесло такой приговор: «Всех домохозяев вотчины Ахматова за явное неповиновение властям даже и после наказания главных виновников, наказать каждого шестьюдесятью ударами розог и затем отдать в арстантские роты на два года». На другой день осужденные под конвоем были уведены из деревни. Все семьи лишились отцов и кормильцев. Но завет их держали крепко: не покорились. Двадцать пятого июня губернатору был послан такой рапорт: «Села Назарьевки крестьяне остаются по-прежнему упорны... Относительно же принятия дальнейших мер — я средств никаких не предвижу»,—признавался исправник. Земля помещичья осталась незасеянной. Наполовину не запаханными лежали поля, отведенные по уставной грамоте крестьянам. Назарьевка голодала, но не сдавалась.

Сдался господин Ахматов; хотелось ему еще лет 10—15 пользоваться даровым крестьянским трудом — не вышло это. Не видя иного выхода, в сентябре 1862 года он дал, наконец, согласие на выкуп земли. Правда, ограблена была Назарьевка страшно: ничтожные наделы (по 1,08 десятины) крестьяне выкупали за боль-

шую сумму, вчетверо превышающую цену земли; да еще Ахматов взял с них «штраф» за все прогульные дни за все семь месяцев героического сопротивления.

Но все-таки Назарьевка не позволила навязать себе уставную грамоту — так и не пошла на барщину, так и не работала по уставной грамоте ни одного дня.

Такова удивительная история сопротивления села Назарьевки. Это сопротивление было частью того движения против уставных грамот, которое развернулось в 1862 году по всей России. И крестьяне из села Назарьевки Мокшанского уезда оказались в этом движении самыми стойкими, самыми упорными борцами.

ПЕРВЫЙ ВЫСТРЕЛ В ЦАРЯ

В северной части Пензы есть длинная улица — улица Каракозова. Дмитрий Владимирович Каракозов, именем которого после Октябрьской революции названа эта улица, жил сто лет назад.

При царе Александре II произошла крестьянская реформа 1861 г. Правительство испугалось возможной крестьянской революции. Крепостное право отменили. Но подлинное содержание жизни страны во многом осталось прежним. Огромная доля земли — более половины всех русских полей — осталась у дворян-помещиков. Крестьян обязали оплачивать работой или деньгами ту землю, которая оказалась в их руках: или продолжать работать на помещика, или плати большие деньги — выкупные платежи. Разоренные крестьяне бежали в города, на фабрики и заводы, но спасения от нищеты они там не нашли. Фабриканты, заводчики и купцы богатели. В России царил бесправие.

Русский император Александр II в первой половине своего царствования довольно часто показывался народу. Он поддерживал приписанную ему славу царя-освободителя: совершал поездки по стране, без большой охраны катался по главным улицам Петербурга, гулял по Дворцовой площади или в знаменитом петербургском Летнем саду.

4 апреля 1866 года, в четвертом часу дня, около северных ворот Летнего сада стояла царская коляска.

По саду гулял царь. У ворот дожидалась праздная толпа. В толпе переминался белокурый молодой человек большого роста, с серо-голубыми глазами, стройный, худой, с нездоровым румянцем на впалых щеках. На его плечах висела дешевая потрепанная одежда. Все взгляды сосредоточились на воротах, и никто не обратил внимания на то, что лицо молодого человека проникнуто угрюмой решимостью, а его правая рука что-то сжимает и тщательно прячет за бортом пальто.

Показался император. Раздались приветственные возгласы. Царь направился к коляске. В эту минуту послышался чей-то громкий, тревожный крик, и грянул пистолетный выстрел. Толпа ахнула. Молодой человек с угрюмым лицом бросился бежать, но цепкие руки взволнованных людей и находившихся в толпе полицейских стиснули его со всех сторон. Его крепко держали за волосы. Его тормозили и готовы были разорвать в клочья.

Сознание великой неудачи охватило стрелявшего: царь остался невредим, пуля пролетела над его головой. Но молодой человек быстро овладел собой. На его лице не было следов паники и страха.

— Дурачьё! — сказал он. — Ведь я для вас же, а вы не понимаете!

Он все еще сжимал в руке разряженный пистолет.

А царь был возбужден. Ему хотелось что-нибудь делать, говорить. Он сам взял пистолет из рук молодого человека и спросил:

— Почему же ты стрелял в меня?

— Потому что ты, — был ответ, — обманул народ: обещал ему землю, да не дал.

Царь уехал. Несколько городских повели молодого человека в III отделение.¹

Там его обыскали, даже раздели догола, дабы ничего не ускользнуло от глаз жандармов. Нашли порох, пули, яд в порошке и яд в пузырьке, письмо без конверта, обращенное к какому-то Николаю Андреевичу, и рукописное воззвание, озаглавленное так: «Друзьям-рабочим». Под друзьями-рабочими в воззвании подразумевались все, кто живет тяжелым трудом своих собственных рук. Автор воззвания объяснял, почему он решился стрелять

¹ Третье отделение императорской канцелярии, где расследовались все выступления, направленные против царя, самодержавной власти и крепостного счета

в Александра II: царь—главный из помещиков, этого злодея необходимо уничтожить; когда помещики, вельможи, чиновники и другие богатеи, испуганные цареубийством, окажутся неспособными управлять страной, народ должен объявить в России настоящую волю и счастливо жить на артельных началах, без зависти друг к другу, при общем равенстве и богатстве. Воззвание заканчивалось следующими словами: «Удастся мне мой замысел, я умру с мыслью, что смертью своею принес пользу дорогому моему другу — русскому мужику. А не удастся, так все же я верю, что найдутся люди, которые пойдут по моему пути. Мне не удалось — им удастся».

Далеко за полночь, почти до самого утра, длился первый допрос. Молодой человек назвал себя явно вымышленным именем и званием и сказал, что не имел никаких сообщников. На другой день его передали в распоряжение особой следственной комиссии. Допросы продолжались без перерыва по 12—15 часов. Одни следователи сменяли других, а тому, кого допрашивали, не позволяли не только сесть, но даже прислониться к стене. Ему не давали спать... Человек средних сил может прожить без пищи целый месяц, без воды—неделю, без сна—4—5 дней. Лишение сна—одна из самых тяжелых и коварных пыток, которой можно подвергнуть человека.

Каждый день шеф жандармов князь Долгоруков доносил Александру II о ходе следствия. Вот отрывки из этих донесений:

«Преступника допрашивали целый день, не давая ему отдыха, священник увещевал его несколько часов, но он по-прежнему упорствует».

«Хотя он действительно изнеможен, но надобно еще его потомить, дабы посмотреть, не решится ли он на откровенность».

Несколько суток длилась борьба человека с самодержавным государством и его политической полицией. Твердость духа не покидала неизвестного. Он не говорил ничего нового и скрывал свое настоящее имя.

Наконец, к великой радости членов следственной комиссии, один случай за другим начали проливать свет на обстоятельства, связанные с покушением на царя.

Жандармы арестовали в Москве Николая Андреевича Ишутина. Одновременно попали в тюрьму его близ-

кие товарищи, которые жили с ним в одном доме. Все арестованные были московскими студентами. Их привезли в Петербург. В неизвестном молодом человеке, который стрелял в царя, Ишутин, не обладавший ни выдержкой, ни большим мужеством, признал своего двоюродного брата Дмитрия Владимировича Каракозова. Теперь и Каракозов был уже не в силах молчать. Он начал рассказывать о себе, стараясь, однако, ничего не говорить о том, до чего пристрастные следователи не могли докопаться сами. Разумеется, это не всегда удавалось.

Жизнь Дмитрия Владимировича Каракозова известна по кратким воспоминаниям его современников, по некоторым документам, а главным образом—из бумаг следственного дела.

Он родился в 1841 году. Его отец, мелкий землевладелец, бывший офицер, не утвержденный в дворянском достоинстве, владел небольшим имением в деревне Жмакино, недалеко от города Сердобска. В семье Каракозовых жил двоюродный брат и ровесник Дмитрия Владимировича, Николай Андреевич Ишутин, рано осиротевший сын мелкого разорившегося купца. Ишутин стал самым близким товарищем Каракозова. Когда двоюродные братья подросли, им вместе пришлось учиться в старших классах пензенской губернской гимназии.

Ишутин и Каракозов стали противниками самодержавно-крепостнического строя. В гимназию, как и во все русские учебные заведения той поры, проникал дух времени — дух непочтения к самодержавию и казенной, официальной народности. В пензенской гимназии в середине прошлого века не было революционного кружка. Зато некоторые учителя оказались людьми демократических убеждений. Но не задушевные слова учителей, не книги делали революционеров из гимназистов, наделенных живым умом и чувством общественной совести. Революционеры постепенно вырабатывали из них самые условия жизни в самодержавной Российской империи.

В гимназические годы Дмитрий Владимирович Каракозов был замкнут, молчалив, задумчив, даже угрюм. Он не любил болтать и никогда ни с кем не вступал в мелкие споры и дразни. С каждым годом его все больше и больше беспокоили думы о тягостном положении рус-

ского народа. Легко представить, как эти думы волновали его сосредоточенную, углубленную натуру и отвлекали его внимание от обычных гимназических интересов.

В 1860 году он окончил гимназию.

В бурном 1861 году, когда в ответ на реформу, обманувшую все надежды, русские крестьяне волновались и даже вступали в неравный бой с царскими войсками, — так было в селе Кандиевке, Пензенской губернии, — Каракозов определился на юридический факультет Казанского университета. В том же году, в октябре, его исключили из университета за участие в студенческих беспорядках. Он уехал в Жмакино. Два года провел с родными, работал письмоводителем у мирового судьи Сердобского уезда.

В сентябре 1863 г. его снова приняли в Казанский университет. Летом 1864 года Каракозов сдал экзамены за первый курс юридического факультета и подал прошение о переводе в Московский университет...

В 1863 году несколько близких товарищей, приехавших учиться в Москву из Пензы и поселившихся в одном доме, часто собирались вместе. Они обсуждали общественно-экономические вопросы и много говорили с том, как превратить Россию в государство равенства, свободы и процветания. Головы сверлила одна мысль: «Как можешь ты быть счастлив, когда в твоей родной стране люди умирают с голода?..» Так образовался в Москве революционный студенческий кружок. Кружок не имел никакого устава. Не существовало никаких правил приема новых членов. Его основатели были неопытными новичками в борьбе с царизмом. Но так или иначе, революционное общество существовало, распространяло свое влияние, и количество его членов постепенно увеличивалось.

Активнейшими участниками кружка были друзья, приехавшие в Москву из Пензы: Петр Дмитриевич Ермолов, Максимилиан Николаевич Загибалов, Николай Андреевич Ишутин, Николай Павлович Странден, Дмитрий Алексеевич Юрасов и другие.

Признанным главою общества был Николай Андреевич Ишутин.

Ишутинцы пытались внушить народу мысль о крайней необходимости коренного преобразования его жизни на социалистической основе. Но это был еще не марк-

систский научный, а мечтательный, или, как говорят, утопический социализм. Ишутинцы помогли скрыться за границу бежавшему из московской тюрьмы видному польскому революционеру Ярославу Домбровскому, будущему герою Парижской Коммуны. Предполагалось совершить смелую попытку освободить с каторги, силою или хитростью, Н. Г. Чернышевского, последователями которого считали себя ишутинцы...

А между тем Дмитрий Владимирович Каракозов стремился из Казани в Москву на зов Ишутина. В 1864 г., получив разрешение перевестись в Московский университет, он приехал в Москву и стал членом ишутинского кружка. Он был по-прежнему молчалив. У него всегда дело заменяло слово.

В следующем, 1865 г. еще теснее сплотились молодые друзья. Революционный кружок присвоил себе название «Организация».

В конце 1865 г. в «Организации» был поставлен на обсуждение вопрос о царубийстве: обманутый, забитый народ продолжает безмолвствовать; голос революционеров пока еще слабо звучит в огромной стране, надо сделать что-нибудь решительное, чтобы возбудить народные массы, надо совершить царубийство, потому что оно может послужить сигналом для начала народного восстания и социальной революции во всей стране; а кроме того, самодержавный царь, который обманул народ, давно достоин смертной казни. Так думали вдохновители «Организации» в 1865 г. Рискованное предложение многих испугало, и общее собрание «Организации» вопрос о царубийстве решило отложить.

Никто не узнал достоверно, как не сумели узнать этого и царские жандармы, действовал ли Каракозов далее только по своей личной инициативе или же с ведома и согласия Ишутина. Уверенно можно сказать одно: в начале 1866 г. мысль об убийстве царя не выходила у него из головы. Он почувствовал себя предназначенным покарать Александра II. В феврале, марте этого года он дважды уезжал из Москвы и возвращался. Постепенно возрастала его окончательная решимость, зрело яростное чувство, нужное для схватки с врагами. Это чувство заполняло все его существо, толкало его к действию, обрекало на гибель, и в то же время ободряло его сердце, жаждавшее открытой борьбы. В последний

раз Каракозов уехал из Москвы в двадцатых числах марта 1866 г. и 4 апреля совершил в Петербурге знаменитое покушение на Александра II. В русского царя впервые был совершен выстрел от имени всего русского народа...

Прошло пять месяцев. Наступил сентябрь. В первые дни осени погода была приветлива, как весной. Ясным, солнечным утром 3 сентября 1866 г. Каракозова повесили в Петербурге на Смоленском поле. Посмотреть на казнь собралась несметная толпа столичных обывателей и ротозеев. Ходили слухи, что в ночь перед казнью Каракозова пытали. Ему, как утверждала молва, выворачивали суставы, надеясь выведать что-нибудь утаенное во время следствия и суда. Многие петербуржцы были уверены, что 5 сентября на Смоленском поле палачи повесили безразличный к жизни полутруп.

Почти через месяц, 24 сентября 1866 г., верховный уголовный суд царской России вынес приговор другим участникам «Организации». Николаю Андреевичу Ишутину — смерть, замененная впоследствии, в ту минуту, когда он стоял под виселицей с завязанным лицом, пожизненной каторгой; остальным — различные сроки каторги, тюремного заключения и ссылки в Сибирь.

Выстрел Каракозова ничего не мог изменить в тяжелом положении трудящихся. Только всеобщее восстание народа могло принести освобождение. И все-таки поступок его не исчез бесследно. Владимир Ильич Ленин о таких людях, как Каракозов, писал, что они «пали не напрасно», потому что, «несомненно, они способствовали... последующему революционному воспитанию русского народа».¹

ИЛЬЯ НИКОЛАЕВИЧ УЛЬЯНОВ

В полдень 23 ноября 1861 года в большом зале Пензенского дворянского института² служители сдвигали стулья к ежегодному акту. Институт был в новом здании, построенном всего какой-нибудь десяток лет назад.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 235.

² Теперь—школа № 1 в Пензе.

Но уже успели, за недостатком средств на покраску, обветшать и потемнеть его стены... Наверху, в третьем этаже, где были дортуары,¹ одевались к празднику воспитанники и острили по поводу темы предстоящей торжественной речи: о грозе и громоотводах...

— Идемте, господа, сейчас молебен!

Воспитанники гурьбой стали спускаться с третьего этажа на второй.

В эту минуту показался в воротах старший учитель физики, тот самый, чью речь о грозе и громоотводах должны были слушать на акте. Быстрый в движениях, весь осыпанный снегом, он сперва забежал направо, где перед флигелем, на заснеженной горке, стояла рейка его метеорологической станции. Подошел и к стене взглянуть на реомюр, вывешенный под защитой деревянной планочки от ветра. И, раздеваясь, торопливо спросил у швейцара, не забыл ли младший надзиратель записать утренние показатели. Швейцар принял с его плеч шинель, отряхнул ее в сторонке и густым шепотом ответил ему. Он гордился, как чином, сложным искусством надсмотрщика над самой погодой и тем, что обсуждает его с господином педагогом, как равный с равным.

Учитель физики остановился перед большим трюмо, вынул из кармана длиннейшего сюртука сложенный вчетверо носовой платок и, не разворачивая, а, наоборот, закомкав рукой, несколько раз быстро-быстро обсушил им мокрые от снега глаза и губы. Он был невысок ростом и бледен той белизной меловатого оттенка, что говорит о сильном душевном волнении. С высокого овального лба его, как у поэта или музыканта, спускались вдоль щек прямые темные волосы, длинные по моде тех лет. И хотя физик был еще очень молод, — ему недавно исполнилось тридцать, — и молодо блестели его карие добрые глаза, но волосы у него на макушке уже поредели, грозя преждевременной лысинкой. Он заспешил в зал, на ходу пряча в карман платок.

Длинный стол, накрытый сукном, с бронзовыми канделябрами, мягкие кресла, а в них — туши с орденскими лентами через плечо, шепот в задних рядах, и третий ряд — в третьем ряду сидят дамы: жена директора института, жена инспектора института... Старший учитель

¹ Спальни учащихся, которые жили при институте.

физики, только что поднявшийся на трибуну, увидел рядом с женой инспектора Веретенникова, добрейшей Анной Александровной, незнакомую девушку.

«В первый раз мне выпало на долю говорить перед вами, милостивые государи, говорить о предмете, мною изучаемом,—говорить о природе».

Учитель физики картавил. И это шло к его крупному, калмыцкого рисунка, рту, к его бледным щекам, чуть приподнятым резкими косточками скул. Говоря, он положил руку за борт сюртука и слегка покачивался над белым листом рукописи.

...Старшего учителя физики очень любили в институте. Речь его живо объясняла сухой предмет, давала простое, толковое знание о молнии и громае, и на много лет, если не на всю жизнь, те, кто слышал эту речь, остались грамотными по части грозы. Специалисты знали, как хорошо и глубоко подготовился физик, и вполне оценили его начитанность, знакомство с самоновейшими источниками, каким был, например, Де ля Рив, еще не переведенный в России с французского...

А учитель физики увлекся. Бледные щеки его затлели на скулах розовыми пятнышками. Он описывал устройство громоотвода. Всякие механизмы, дававшие власть над материей, всегда занимали его.

Делая пояснительные жесты, словно отмеривая размеры железного прута, физик вдруг преобразился в педагога, желающего не речь сказать, а передать нужные, практические знания...

Речь кончилась, занявши времени ровно столько, чтобы не утомить.

Учитель, наклонившись к кафедре, собирал свои листки, когда к нему подошли две женщины. Одна вела, немного принуждая и таща за собой, другую, ступавшую медленно и улыбаясь. Обе они были одеты по моде — в тяжелые пышные платья... Волосы у обеих были зачесаны гладко со лба и разбиты низким, пышным, широким узлом на затылке, в форме груши, спрятанной в сетку. Одна была Анна Александровна Веретенникова, другая — незнакомая девушка, замеченная учителем с кафедры.

— Илья Николаевич! Спасибо, спасибо вам за прекрасную речь... Машенька, Илья Николаевич Ульянов.

Илья Николаевич, будьте знакомы—сестра моя, Мария Александровна Бланк.

И две руки, одна небольшая, другая совсем маленькая, встретились и пожали друг друга...

Сегодня Илья Николаевич задумался как-то сразу обо всем вместе, о прошлом, о будущем. Сколько деятельности, сколько возможностей, если сравнить, откуда он вырос, вышел! Призакрыв лоб рукой — жест почти произвольный, сохранившийся с детства, — он увидел в воображении своем Астрахань.

Вдалеке, на горе, каменная стена Кремля, золото куполов, город; внизу, на Косе, запах рыбы, пестрая бахрома качающихся парусов у берега, тени верблюдов, несущих в цейнгаузы тюки и тюки, говор греческих моряков.

Он вспомнил низенький дом в полтора этажа, купленный в рассрочку у флотского матроса Липаева, невыразимого пьяницы. Отец сухими, старыми пальцами, исколотыми иглой, — он портняжил, — считает в ладонь из кошелька серебряные рубли и прячет под образа очередную расписку. Отец был стар, беден и выбился из нищеты, кажется, только к шестидесяти годам, тогда же и жену взял. Отца Илья Николаевич сильно боялся в детстве и почти не помнит, мать он любит нежно и жалостливо, и сестру Федосью, и сестру Машу, и Васю—если б не Вася, быть бы ему астраханским приказчиком в конторе у господ Сапожниковых!

Илья Николаевич помнит, как он топал босиком снизу, с Косы, в гору каждое утро, загодя до уроков, из экономии неся башмаки в сумке, как он вечерами в кухне учил и учил уроки, как медленно раскрывался перед ним мир понятий и образов, отдалявший его и возвышавший его над этой кухней, по астраханскому обычаю увешанной под потолком красными стручками перца, причудливыми фигурами полосатых тыкв, ожерельями лука. Василий, ставший ему вместо отца, смолodu потянул лямку соляного объездчика, тянет и по сегодня, и не женился, не учился, а ведь мог бы Василий, ведь он способный!

Ничтожнейший срок — десять лет — прошел с того вечера, как сестра Маша с мужем... купцом Горшковым,

дедушка Смирнов, головастый мещанский староста, из которого Илья Николаевич, кстати, больше всех и лицом вышел, и почетный гость, отец Николай Ливанов пришли поздравить его, кончившего гимназию.

В тот вечер его спросили, как думает дальше, а Илья Николаевич ответил, прокашляв горло: «В Казань, в университет». Горшковы и Смирновы ахнули. А брат поддержал. И опять трудное восхождение, и все дальше черта между ними, как меж бортом отплывающего парохода и пристанью. Из их гимназии только двое и поступили в университет.

Теперь наплыла во всем ее великолепии Казань, многоязычная Казань с чугуиными плитами университетской аллеи, где каждая плита под ногой строго приветствует студентов, напоминая о годах прошедших, Казань математиков и физиков, овеянная славой ученых, о которых легенды сказывались... Как живой возник перед ним образ не по годам одряхлевшего, полуслеплого Лобачевского, каким довелось увидеть Николая Ивановича перед самой его смертью.

Старший физик чтит покойного Лобачевского и был ему многим обязан. Это ведь Лобачевский устроил его, совсем молодого студента, к Александру Григорьевичу Савельеву помогать в разъездах, в проверке метеорологических станций, в работах по метеорологии. И какой свежей, интересной оказалась его работа... Был, значит, Лобачевский хорошего мнения о нем, Илье Николаевиче, если именно ему, персонально ему, отклонив других кандидатов, предложил это интересное дело — вести метеорологические наблюдения в институте!

Учитель Захаров был словесник. Он и Ульянов считались лучшими преподавателями в институте, но учили по-разному и предмет любили по-разному, да и сами были несхожи.

Илье Николаевичу было свойственно почти физически чувствовать чужое бытие — характер, натуру, настроение ученика, — чувствовать с подлинным внутренним равенством — главным условием деликатности. Обидеть, заподозрить, хотя чем-нибудь уязвить человека, нанести удар по самолюбию было для всей его собственной натуры так же отвратно, как съесть кусок железа, и в

классе тотчас почувствовали, что в каждом из них он видит и уважает равного себе человека. К тому же он весь светился добрыми своими карими глазами, когда скидывал их на отвечающего,—и ученики просто влюблялись в этот мягкий взгляд, стерегли физика по коридорам, чтобы гурьбой пойти с ним, взять его с двух сторон под руки или даже, осмелев, обнять за талию, повиснуть на нем.

За три дня до институтского акта, 20 ноября, Петербург хоронил юношу Добролюбова, умершего от чахотки. Народу на похоронах было мало, но тотчас прошел слух (докатился он и до Пензы), что Чернышевский выступил на похоронах с очень смелой речью.

...Смерть Добролюбова потрясла Илью Николаевича... подумать только, всего двадцать пять лет, на целых пять лет моложе его самого, и сгорел человек, но сгорел, успев многое сделать. Старший физик читал в «Современнике» умнейшие статьи Добролюбова, дивясь его знаниям и логике... Но особенно любил он прочитанную в 1858 году рецензию в десятом номере «Современника». Повторял с удовольствием, своими словами: «Две тенденции в обществе — к дармоедству и к труду».

Он даже переписал в свою заветную тетрадку: «В глазах истинно образованного человека нет аристократов и демократов, нет бояр и смердов, браминов и партий, а есть только люди трудящиеся и дармоеды. Уничтожение дармоедов и возреличение труда — вот постоянная тенденция истории... Нигде дармоедство не исчезло, но оно постепенно везде уменьшается с развитием образованности».

— Учить, учить надо, идти с букварем к народу,— жарко настаивал старший физик. — У Добролюбова то и хорошо, что он просветитель народа... А как у него сказано об инородцах! — Это был особый для старшего физика предмет, задевавший его за самое сердце... — «Настоящий патриотизм... не уживается с неприязнью к отдельным народностям».

...Илья Николаевич был человек ежедневной упорной, добросовестнейшей работы. Такая работа, хочешь не хочешь, разгоняет мысли, облегчает сердце. По метеорологии... накопилось множество цифр, груда цифр. Из

них надо было сделать выводы, продумав эти цифры до тонкости, а время не ждет... Его отчеты были полезными для отечества, для научного подхода к земледелию. — разве это не шаг вперед к уменьшению «дармоедства» при помощи образования?

Ко всем этим скрытым внутренним утешениям прибавлялось еще одно. Не смея вполне признаться себе, физик был счастлив.

Каждый вечер у Веретенниковых собирались, как сердито шутил инспектор, «сонскатели»: все холостые преподаватели ухаживали за Машенькой Бланк. Оттанцуют, отмузицируют и даже отужинают, а все не расходятся, и, бывало, один стремится пересидеть другого у круглого стола, за альбомом под абажуром лампы, или в амбразуре окна, у фисташковой, не первой свежести занавески с бахромой, или мешкая в разговоре уже одетым в передней, и все опять, и опять возвращаясь к теме, давно исчерпанной, — лишь бы постоять лишней миг возле стройной девичьей фигурки. Но самым последним как-то всегда оказывался старший преподаватель физики.

Он и днем заходил сюда: Машенька Бланк взялась усовершенствовать его в языках. Сидя рядом за иностранной книгой, наклонив головы, они серьезно занимались чтением и переводом.

Илья Николаевич знал в чужих языках не больше того, что дала гимназия, прибавил и самоучкой, но ему было ново свободное обращение с языком, знакомство не с падежами и правилами, а как бы с самой стихией речи, как это было у его молодой учительницы. В первые дни, когда они занимались французским, он чувствовал себя бесконечно ниже ее по образованию. Но как ни медленно раскрывалась она перед ним, как ни скрытно лежали в ней мысли, он стал подмечать постепенно, сколь тяготит ее недостаток систематических знаний. Воспитанная без школы и без учителей, на одном чтении, Мария Александровна вдруг вспыхивала чуть не до слез от своего «невежества», как говорила себе. Ей не хватало историй, географин, она не знала множества простых вещей, не умела их связывать во времени и в пространстве...

— Позанялись бы и вы со мной, Илья Николаевич, общими предметами. Я ведь не кончала гимназии.

С тех пор уроки языков неизменно чередовались у них уроками общих предметов. Илья Николаевич из ученика превращался в учителя и так ясно, с таким увлечением передавал ей свои знания, что Машенька Бланк незаметно для себя стала усваивать вместе с науками и педагогические приемы Ульянова. Как это часто бывает меж людьми, постепенно срастающимися душевно, ей непроизвольно переходили его интонации, манера наклонять голову при вслушивании, даже характерное движение плечом. Но и Ульянов незаметно для себя подражал своей ученице-учительнице.

Они объяснились совсем неожиданно, в дверях пансионской библиотеки... то есть и не объяснились даже, а учитель физики понял по взгляду, когда он столкнулся с девушкой, что только ее, и никого другого на свете, хочет иметь женой.

«Будьте вечером, после класса, в саду». — И Мария Александровна ответила: «Хорошо», а может быть, и не ответила, а только голову наклонила, но оба они встретились вечером на горе, где сейчас Парк культуры и отдыха и стоит высокая башенка обсерватории имени Ильи Николаевича Ульянова.

В те годы на этом месте дико и пышно рос мелкий кустарник, стояли вязы и липы, шли путаные дорожки с двумя-тремя серыми от дождей деревянными скамьями, и это место прогулок спускалось вниз по самой дремучий овраг, за которым тогда еще стоял лес.

Весной 1863 года Машенька Бланк и старший учитель физики были помолвлены, а летом она успешно выдержала экзамен на домашнюю учительницу.

Машенька выехала раньше его в имение отца — Кокушкино, где должна была состояться свадьба, а Илья Николаевич занялся устройством дел. В Астрахани весть о его свадьбе с барышней Бланк, дочерью петербургского хирургического врача, вызвала радостное волнение в доме. Старушка мать, сестры и брат готовили невесте подарок, Василий наскреб денег и послал брату, чтобы выручить Ильюшу перед самой свадьбой.

...Илья Николаевич в том же году стал хлопотать о своем переводе из Пензы в Нижний.

В КОНЦЕ ПРОШЛОГО ВЕКА

Десятилетия в своем сердце я храню память о Пензе, где прошли некоторые годы моего детства и юность. Помню старую Пензу—губернский город российского захолустья, полицейского произвола, пренебрежительного отношения буржуазии к простым людям, зверской эксплуатации трудящихся, безрадостной юности молодых рабочих, нищенской старости трудового человека; помню город дворянских и купеческих особняков, кособоких домишек окраин, где ютились семьи рабочих, ремесленников и той бедноты, что жила случайной грошевой работой.

Жил я у бабушки, ее дом был последним в Конной улице, за ним расстилался пустырь. Она служила на кухне у купца Евстифеева и иногда приносила домой куски пирога и рассказы о купеческой жизни, о властном нраве хозяина, об издевательствах его сыновей, учеников реального училища, над работницами мельницы. Как-то вечером у нас сидела соседка, и бабушка с возмущением говорила о расчетах купца с рабочими.

— Кухня у нас рядом с купеческой конторой, ну, мне и слышны все разговоры, как Евстифеев обсчитывает рабочих. Один из грузчиков, выходя из конторы, крикнул ему: «Подавься, собака, моими копейками... Придет время и на тебя...» Расчелся купец с рабочими, а потом выходит из конторы и кричит жене: «Марья, зажги лампадки, чай не татары здесь живут...»

Так передо мной, мальчишкой, через разговоры бабушки открывалась жизнь людей, которых я, когда бегал купаться на Суру, видел проезжающими в сияющих лаком экипажах.

Во время купания мы, ребяташки, часто видели, как через скрипучий деревянный мост проезжал хозяин бумажной фабрики Сергеев, на паре белоснежных лошадей. День и ночь дымила фабрика, и голос утреннего гудка поднимал мужчин, женщин и ребяташек окраин на работу. Шлепая по грязи в туманные утра осени, люди шли к машинам, в склады тряпья, в кочегарки на двенадцатичасовой рабочий день.

Позже, после смерти отца, когда мать купила дом на Новой Федоровке, у нас жил в маленькой комнатке Иван Плетнев—высокий белокурый кочегар бумажной фабрики. Он приходил с работы усталый, долго сидел, опустив большие сильные руки. Умывался, садился ужинать—жадно ел разогретые щи.

— Ну, как дела, воробей? — спрашивал Иван и поднимал меня к потолку. Я сверху смотрел на его красивые завитки волос, на голубые глаза, которые уже начинали слезиться и краснеть от жары котельной.

Отдавая матери стирать рубаху, он говорил:

— Соль выступает на спине... Пьем воду, как лошади. В грудь жар бьет, а сзади холодно. Вот в этом месяце, Михайловна, полтинник штрафа заплатил. Вот тебе и получка—семь с полтиной. Да, щи с говядиной не каждый день поешь... Ну, мы-то, взрослые, мучимся, пока переносим. Но вот ребяташки тряпье разбирают, в пыли и в холоде, за полтора рубля в месяц — это-то как назвать?.. С малых лет на Сергеева жизнь отдают.

За стеклами окон стояла темнота и тишина одинокого вечера.

— Тьма-то какая на улице,—говорила мать,—а завтра ты проснешься затемно и на работу.

— Рабочему темно, а хозяину всегда светло... Но придет время, мать, и вот эти руки на что-нибудь другое пригодятся. — И Иван, сжав кулаки, вытягивал мускулистые руки. Он рассказывал, что рабочие на фабрике, не имея места для обеда, ходят в сортировку и здесь на ворохе грязных тряпок едят принесенную с собой пищу.

Мне не пришлось в детстве испытать всей тяжести фабричного труда: я учился в городском училище и по тому времени был самым счастливым в среде своих сверстников. Но о тяжести труда малолетних я слышал не только от Ивана Плетнева. Два моих брата за харчи работали «мальчиками» в обувном и гастрономическом магазинах—таскали в дома богатеев тяжелые покупки, подметали магазины, кололи дрова и убирали дворы хозяев. Мои закадычные друзья, ученики слесаря с заводов Лобанова и Воронцова—Николай Платонов и Федя

Казаков больше года работали на заводах бесплатно, и только через полтора года им полагался «оклад»: 10 копеек в день, а через три года, когда они уже хорошо овладеют слесарным делом, то будут получать по 30 копеек в день. Для учеников на заводах рабочий день был таким же, как и взрослых. В копоти, в грязи. В легких пиджаках, они зимой прибегали домой поздно вечером и, сморенные усталостью, засыпали за скудным ужином...

В дымном чаду грязных цехов проходила их юность, как и юность многих тысяч молодых рабочих — сыновей бедных окраин губернского города. Иногда они ходили работать и в воскресенье, когда заводом выполнялись срочные заказы.

Достойной оплатой и человеческим отношением не баловали хозяева фабрик и заводов и взрослых рабочих. Высококвалифицированный рабочий получал 25—30 рублей в месяц. Зарботок же среднего рабочего доходил до 8—10 рублей, но, кроме этого, многие рабочие подвергались штрафам за различные якобы провинности — сюда входили штрафы за допущенный брак в работе, за «дерзость» мастеру, разговор в цехе и т. д. Так что из скудного заработка рабочих под различными предложениями удерживалось в месяц до рубля и больше.

Рабочие, которые не имели своих домов, ютились в грошовых комнатах—в них располагались семьей в 4—5 человек. Кровать, стол и несколько табуреток составляли обстановку комнаты. Ребятишки ночью в таких «квартирах» спали на полу. Помню, сестренка Федя Казакова долгое время болела, простудившись в сортировочной писчебумажной фабрики. Только один раз посетил ее врач, и бедная девочка умерла в одиночестве днем, когда Федя и его мать были на работе. Можно было бы отвезти ее в больницу, но плата за лечение по сравнению с заработком работницы была огромной—до полутора и двух рублей в сутки. Много детских жизней уносили тогда холодные хибарки, окраины, дети вяли, словно хилые цветы, так и не узнав радости.

Нужда заставляла многих ребят бросать школу со второго или третьего класса и идти в мастерские

жестянщиками, в магазинные «мальчики» или поступать в ученики на заводы и фабрики. Для многих мечта об учебе оставалась неосуществленной.

Тихи и сумрачны вечера окраин осенью и зимой: рано ложились спать молодые рабочие — изнуряющая работа в течение долгих часов выматывала силы. Лишь в воскресные дни собиралась молодежь на вечеринки — пела и танцевала под гармошку. Иногда на этих вечерах читались стихи Пушкина и Лермонтова, велись разговоры о тяжелой работе на фабриках и заводах, о мастерах, о штрафах.

Редко ходила молодежь окраин на Московскую улицу, где вечерами в погожие дни гуляла знать города — чиновники, купцы в старомодных сюртуках, пухлые купеческие дочери. Здесь был другой мир — мир сытых людей, и только для них сияли разноцветные электрические лампочки витрин.

Страшной была судьба стариков, не имеющих семьи. По нашей улице ходил семидесятилетний рабочий — называли его просто Кузьмич. Этот старик Анкудинов долгие годы проработал на заводе Лобанова и когда уже не мог трудиться, хозяин его уволил. При расчете Лобанов прибавил ему полтинник за долголетнюю безупречную работу. У Кузьмича не было родных и он жил в ночлежке, собирая на пропитание и ночлег копейки у церкви и на базаре. Как-то утром его нашли окоченевшим у крыльца одного из домов нашей улицы, полузасыпанного февральским снежком. Судьба Кузьмича — безродного старого рабочего — в то время была судьбой многих стариков, выбрасываемых за фабричные ворота и пополнявших ряды нищих.

Я любил читать, с жадностью читал произведения русских классиков, Жюль Верна, Майн Рида. Много книг я перечитал из небольшой библиотечки соседа, учителя-пенсонера. Однажды он мне дал рассказы Куприна. В тринадцать лет трудно было понять основную идею рассказа «Молох», но он мне запомнился описанием рабочей жизни на огромном заводе. Кто такой Молох — я не знал. И только тогда, когда спросил об этом учителя, то он мне объяснил, что Молох — бог солнца в религии Финикии и Карфагена, в честь его во время празднеств приносились человеческие жертвы,

(главным образом дети). В рассказе писатель под Молохом подразумевает капитализм, создающий такие условия каторжного труда, от которых преждевременно гибнут рабочие и их дети.

Это было как бы первым моим знакомством с сущностью капитализма, и люди центра города—Сергеевы, Лобановы, Кузнецовы, Евстифеевы и другие—в моем воображении были молохами, ненасытно пожирающими не только труд рабочих, но и их самих.

О рассказе Куприна я поведал моим друзьям, объяснив, что надо подразумевать под Молохом. И после этого ребята часто называли молохами не только хозяев заводов, но и тех мастеров, которые бесчеловечно относились к рабочим.

...А кругом города лежали неоглядные поля, коричневыми заплатами на них выделялись села и деревни, в зелени вековых лип белели колоннами дома помещичьих усадеб—графа Уварова, князя Оболенского, Балашовой, Устинова и многих других.

Городские ребята редко выезжали в деревню и видели крестьян только тогда, когда они приезжали на базары и ярмарки, в город. В лаптях, в самотканых штанах и рубахах, в армяках, стояли мужики около телег и продавали зерно, картофель, капусту, грибы. Они были суровы, неразговорчивы и исподлобья смотрели на разбитных приказчиков хлебных лабазов, шныряющих около возов, на пухлых дам в огромных шляпах, за которыми шли кухарки с корзинами для продуктов.

Как-то матери один из крестьян привез картошки. Во дворе он распряг лошадь, а сам сидел, пил чай и рассказывал. Я слушал этот неторопливый рассказ и понимал, что и крестьянству жилось не лучше, чем рабочему.

— У нас в деревне,—говорил он,—тридцать дворов, а у восьми хозяев нет лошадей, да и тем, у кого они есть, приходится работать в имении Устинова, иначе хлеба до нового не хватит. И в город приедешь — тоже не слаще. На днях привез двадцать мер ржи, а лабазник намерил семнадцать. Стал спорить, а он привел полицейского, ну, и пришлось уходить от греха, а то и в каталажку попадешь...

Тогда, мальчишка, я не мог, конечно, знать о могучих силах, что зрели и копились в рабочем классе, о большевиках, о Ленине, о том, что над страной, над нашим городом собирались грозные гучи событий.

Я узнал об этом после.

ПРИМЕЧАНИЯ

НАШ КРАИ В ДРЕВНОСТИ

В основу очерка положены сведения из брошюр: М. Полесских «В недрах времен» (Пенза, 1956) и «Памятники материальной культуры Пензенской области» (Пенза, 1960).

Материал очерка может быть включен в рассказ учителя на уроке «Первобытно-общинный строй на территории нашей страны» и, частично, на уроке «Образование государства у восточных славян с центром в Киеве», а также рекомендован для внеклассного чтения.

БИТВА НА МОКШЕ

Существует ряд легенд о Нарчатке. Одна из них записана П. Ф. Садиным и хранится в рукописном фонде Наровчатского краеведческого музея; две опубликованы в сборнике А. П. Анисимовой «Песни и сказки Пензенской области» (Пенза, 1953 г.) Ценные сведения о нашествии татар имеются в работах Ф. Ф. Чекалина «Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца 17 века» (Саратов, 1892 г.) и М. Г. Сафаргалиева «Борьба мордовского народа с татарским игом» (в кн. «Записки Мордовского научно-исследовательского института» № 6, Саранск, 1946 г.).

Интересные данные о городе, расположенном на месте нынешнего Наровчата и являвшемся одним из улусных центров Золотоординской державы, имеются в книге В. И. Лебедева «Загадочный город Мокши», Пенза, 1958 г.

Феодальные отношения складываются у мордвы в 12—13 веках. История мордвы тесно связана с историей русского народа. Уже в 13 веке часть мордвы входила в состав русских княжеств — Рязанского и Нижегородского. В борьбе против татар мордовский народ вместе с русским участвовал в битвах на реке Пьяне (1377 г.) и Воже (1378 г.), на Куликовом поле (1380 г.), а также в походах Ивана IV на Казань.

Под властью Золотой орды мордовские земли находились до конца 15 века; после ее распада они были подчинены Казанским ханством, и власть татар тяготела над ними еще полвека. С падением Казанского ханства (1552 г.) мордва добровольно вошла в состав Русского государства, и территория нашего края навсегда слилась с русской землей.

Рассказ «Битва на Мокше» может быть использован на уроке «Борьба русского народа с монголо-татарским нашествием» при сообщении нового материала, а также рекомендуется учащимся для домашнего чтения.

НА СТРАЖЕ РОДНОЙ СТРАНЫ

При составлении очерка использованы: рукопись И. И. Спрыгина «История Пензенского края и города Пензы», хранящаяся в Пензенском краеведческом музее; исследования И. Д. Воронина о направлении Крымской дороги (см. Ученые записки Мордовского научно-исследовательского института, № 13, Саранск, 1951, стр. 169—170); работа П. Н. Черменского «Очерки по истории колонизации Тамбовского края» (в кн. «Известия Тамбовской Ученой Архивной комиссии», вып. 54, Тамбов, 1911, стр. 193). Организация сторожевых и станичных служб подробно изложена в документе «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе» 1571 г. (см.: «Хрестоматия по русской военной истории», М., 1947, стр. 64—68 и статья С. А. Марголина «Оборона Русского государства от татарских набегов в конце 16 века» в кн. «Военно-исторический сборник», Труды ГИМ, вып. XX, Москва, 1948, стр. 3—28).

Материал очерка можно использовать на уроке «Русское централизованное государство в 16 веке» и рекомендовать для внеклассного чтения.

ЗАСЕЧНЫЕ ЧЕРТЫ

В данном очерке использованы материалы полевых исследований, проведенных экспедицией кафедры истории Пензенского пединститута им. В. Г. Белинского под руководством автора очерка В. И. Лебедева в 1958—1960 гг., а также: «Сметы военных сил Московского государства в 1661—1663 гг.», опубликованные С. Б. Веселовским в кн. «Чтения в императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском университете», кн. III, М., 1911; материалы, собранные В. Хохряковым и И. Ворониным (см. «Труды Пензенской Ученой Архивной комиссии», кн. 1, 1903, Пенза); «Записки Мордовского научно-исследовательского института», № 13, Саранск, 1951, стр. 165—233).

Сведения из очерка «Засечные черты» могут быть включены в

рассказ учителя на уроке «Экономическое развитие России в 17 веке», или же очерк в целом изучается в историческом кружке и рекомендуется для внеклассного чтения.

Если школа расположена в районе нахождения засечных черт, очень желательно проведение экскурсий по местам старинных укреплений Русского государства.

ПЕНЗЕНСКИЙ ЧЕРКАССКИЙ ОСТРОГ

В «Строельной книге г. Пензы» (1666 г.) упоминаются три группы черкасс: 1) «старые черкассы» или «черкассы Юрия Котрацкого, 2) переведенцы из г. Белого (Бельского уезда) и 3) «новые черкассы», или «черкассы Микиты Буд-Зюзина». Когда поселилась на берегу Суры первая группа черкасс — точно не выяснено; можно предположить, что это произошло между 1651 и 1654 годами (см. Инструкцию яблоневскому воеводе в кн. «Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в 3-х томах», т. III, М., 1953 г., документ № 44, стр. 93—94); И. В. Тихомиров считал, что вторая группа черкасс, состоявшая из семи семей, была прислана в Черкасский острог в 1654 или 1655 году, а третья группа, прибывшая из Путивля, — в 1657 или 1658 г. (см. «Журнал Министерства народного просвещения», СПб, 1908, сентябрь). С ослаблением военной опасности Черкасский острог был ликвидирован, и украинские казаки в конце 18 века в подавляющем большинстве были переселены на новое место, получившее сначала название «Ново-Черкасская слобода», а ныне «Черкассы» — один из районов г. Пензы.

Очерк может быть использован на уроках «Освободительная борьба украинского и белорусского народов. Воссоединение Украины с Россией»; материал его поможет конкретнее показать помощь украинскому народу со стороны русского народа в борьбе против польских панов.

КРЕПОСТЬ НА РЕКЕ ПЕНЗЕ

Одним из сложных вопросов истории края является вопрос о дате возникновения города Пензы. Дело в том, что первый лист документа «Строельная книга города Пензы» утрачен. Из других документов видно, что г. Пенза строился в 1712—1714 годах, т. е. в 1665—1667 гг. по современному летоисчислению. (См. заметку в газете «Молодой ленинец» № 101 от 22 августа 1958 г.).

Однако совсем недавно, в 1963 году, в Центральном Архиве древних актов обнаружен новый документ — грамота двум церковнослужителям Пензы, свидетельствующая о том, что «новый город Пенза» существовал еще в 1663 году; эта грамота и является первым

документальным известием о возникновении Пензы (см. «Пензенская правда» от 9 июня 1963 г.).

Интересный материал о Пензе и Пензенском крае в 17 веке можно прочесть в работе А. Хвощева «Очерки по истории Пензенского края», Пенза, 1922 г. и в рукописи И. И. Спрыгина, хранящейся в Пензенском областном краеведческом музее «История Пензенского края и города Пензы».

Материал очерка полезно использовать на уроке «**Экономическое развитие России в 17 веке**», а также во внеклассном чтении учащихся. Целесообразно, в связи с прохождением данной темы, организовать экскурсию «По историческим местам г. Пензы», предложив учащимся, на основе прочитанного, определить, где проходили стены пензенской крепости, расположение улиц, слобод в Пензе в 17 веке, найти следы старинных укреплений в лесопарке и т. п.

НАЧАЛО ПОМЕЩИЧЬЕГО ГНЕТА

В основу очерка положены материалы из кн. Ф. Ф. Чекалина «Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца 17 века», Саратов, 1892; «Очерки по истории колонизации Тамбовского края» в кн. «Известия Тамбовской Ученой Архивной комиссии», вып. 54, 1911 г.; «Документы и материалы по истории Мордовской АССР», т. 1, 1939 г.

Очерк может быть использован на уроке «**Экономическое развитие России в 17 веке**» и рекомендован для внеклассного чтения.

В БОРЬБЕ ЗА СВОБОДУ

Очерк написан на основе документов, опубликованных в кн. «История крестьянской войны 1667—1671 гг. под предводительством Степана Разина» — I и II тт. изд. Института Истории АН СССР совместно с Центр. Гос. архивом древних актов, МВД СССР.

Материал очерка должен быть использован при прохождении темы «**Крестьянская война под предводительством Степана Разина**»; необходимо будет на этом уроке подчеркнуть широкий размах антифеодального движения в Пензенском крае. Показательно, что гарнизоны всех до одной крепостей «засечных черт» — Атемара, Саранска, Инсара, Пензы, Верхнего Ломова, Нижнего Ломова, Керенска — перешли на сторону повстанцев. В этих городах на длительное время установилась народная власть.

Если дворянско-буржуазные историки считали, что восстание под руководством Степана Разина было бунтом казаков, то на примере

развития антифеодальной борьбы в Пензенском крае ясно видно, что основной движущей силой восстания являлись местные крестьяне.

Необходимо также, используя материал очерка, обратить внимание учащихся на то, что активное участие в крестьянской войне приняли чуваша, мордва, татары, черкассы; наряду с русскими крестьянами они активно сражались с правительственными войсками.

ПЕНЗЕНСКИЙ КРАЙ В 18 ВЕКЕ

Материал написан в основном по книге А. Хвощева «Очерки по истории Пензенского края», Пенза, 1922. Некоторые сведения взяты из кн. Е. Самойлова «Пензенский край в конце 18 века», Пенза, 1960.

Любопытен следующий факт, приведенный Хвощевым: «...Путешественник Авриль, посетивший Пензу в 1687 году, пишет: «Мы употребили первые три дня на проезд (от Саратова до Пензы) более 40 лье¹ по пустыне, не встретив ни деревьев, ни жилищ, ни хижин». Итак, от Саратова до Пензы в 1687 году лежала пустая «безлесная равнина, без признаков человеческого жилья». А. Хвощев. Очерки по истории Пензенского края, 1922, стр. 87). В 18, 19-м веках население края росло (по Хвощеву) таким образом:

1719 г. — 175 тыс. душ обоего пола;

1766 г. — 375 тыс. душ обоего пола;

1846 г. — 974 тыс. душ обоего пола;

1858 г. — 1132 тыс. душ обоего пола;

1897 г. — 1470 тыс. душ обоего пола.

До 18 века Пензенский край управлялся воеводами. При Петре I с 1708 г. города Пензенского края с прилегающей территорией присылались к губерниям: Азовской, Воронежской и Казанской. 31-го декабря 1780 года край был объявлен наместничеством, которое подчинялось Казанскому генерал-губернатору; в 1796 году Пензенское наместничество преобразуется в губернию, но в скором времени губерния была ликвидирована, и край вошел в состав Саратовской губернии, а Пенза стала уездным городом. Восстановление Пензенской губернии произошло в 1801 году, и с тех пор Пенза являлась губернским центром вплоть до наших дней (до 1928 г.). Очерк включен в качестве введения к последующим рассказам и характеризует особенности колонизации Пензенского края в 18 веке, а также процесс дальнейшего роста дворянского землевладения и крепостнического гнета в крае и вширь и вглубь.

¹ Лье — французская путевая мера — около 4,5 км.

Материал очерка может быть использован учителем в теме «Образование Российской империи» на уроках «Россия на рубеже 17 и 18 веков» и «Реформы во время царствования Петра I». Некоторые сведения из очерка могут быть приведены также на уроке «Начало разложения крепостного хозяйства»; в целом же его материал рекомендуется изучить на занятиях исторического краеведческого кружка.

ДЕТСТВО РАДИЩЕВА

Это — отрывок из книги М. Муратова «Жизнь Радищева», ГИЗ, М.-Л., 1950. Включение его в книгу для чтения имеет целью дать детям конкретное представление о характере крепостнической эксплуатации, о быте помещичьего дворянства в Пензенском крае в 18 веке. Картина страшного угнетения крестьян помещиком села Анненково Зубовым отражает подлинные факты, приводимые в воспоминаниях сына великого революционера Павла Александровича Радищева (см. Громов, «Радищев в школе», М., 1954, стр. 93—94).

Рассказ о детстве Радищева следует использовать в теме «Разложение крепостничества и развитие капиталистических отношений в России» на первом уроке («Начало разложения крепостного хозяйства») при характеристике усиления крепостного гнета в конце 18 века; следует использовать материал рассказа и на последнем уроке указанной темы — «А. Н. Радищев и его борьба против крепостного права и самодержавия».

Можно также предложить рассказ как материал для доклада в школьном историческом кружке и рекомендовать для внеклассного чтения.

ПОДВИГ РАДИЩЕВА

Очерк составлен на основе книги М. Муратова «Жизнь Радищева», ГИЗ, М.—Л., 1950. Материалы к вопросу «Радищев и Пензенский край» учитель может найти также в книгах: К. Громов «Радищев в школе», Учпедгиз, 1958; Благоев Д. Д., «А. Н. Радищев», Пенза, 1949 г.; альбом «А. Н. Радищев», Изогиз, 1954 г.; С. П. Петров — «Памятные места Пензенской области», Пенза, 1958. Огромная вера Радищева в силы и величие родного народа отражена в следующем стихотворении:

О народ, народ преславный!
Твой поздний потомки
Превзойдут тебя во славе
Своим мужеством изящным,
Мужеством богоподобным,
Удивленье всей вселенной,
Все преграды, все оплоты
Сокрушат рукою сильной,

Победят... природу даже —
И пред их могущим взором
Пред лицом их, озаренным
Славою побед огромных,
Ниц падут цари и царства.

(Цит. по книге-альбому «А. Н. Радищев», Изогиз, М., 1954).
Разве не подтвердились эти слова великими делами советского на-
рода, строящего коммунизм!

В Пензенской области, в селе Верхнее Аблязово, в 1945 году был
открыт мемориальный Радищевский музей, созданный при горячем
участии колхозников сельхозартеля «Родина Радищева». 25 сентября
1949 года, когда отмечалось 200-летие со дня рождения Радищева,
в Верхнем Аблязове состоялся митинг, на котором присутствовало
семь тысяч человек; на месте дома, в котором А. Н. Радищев провел
свое детство, был открыт памятник-обелиск из красного грани-
та. В 1953 году Верхнее Аблязово было переименовано в село
Радишево.

Материал очерка может быть использован учителем на втором
уроке по теме «Культура России в 18 веке», в историческом кружке,
а также может быть рекомендован для внеклассного чтения.

ПУГАЧЕВ В ПЕНЗЕ

Предлагаемый рассказ — фрагмент из исторического романа Вяч.
Шишкова «Емельян Пугачев».

Текст дается с купюрами: произведены сокращения в целях при-
способления текста к детскому восприятию.

О крестьянской бонне под предводительством Пугачева обшир-
ные сведения имеются также в книге С. Петрова «Пугачев в Пензен-
ском крае, 2-е изд., Пенза, 1956 г.; Жижка М. В. — «Емельян
Пугачев», 2-е изд., М., 1950.

Учителю следует иметь в виду следующий факт. Путь Пугачева от
Саранска до Пензы шел через Бехстовку, Б. Вьясс, Ломовку, Кутлю,
Лунино, Проказну, Пыркино, Вазерки, Грабово, Б. Колояр, Бессонзю-
ку. От Пензы войска Пугачева двинулись двумя дорогами: один
поток через Золотаревку, пересекшая Шемышейский район, на Дан-
ловку и Петровск; второй — на Борисовку, Кондоль, В. Умет, Кенз-
чи, Чулаки, оба потока соединились в Петровске и двинулись даль-
ше к Саратову. На восток и на запад от пути следования войск Пу-
гачева по всей губернии разлилось пламя восстания. Карательными
экспедициями правительства в Пензенском крае с 20 июня по 20 сеп-
тября 1775 года было ликвидировано более 60 повстанческих отрядов,

причем было отобрано 64 пушки, 6 мортир и 4 единорога; убито около 10 тыс повстанцев и взято в плен 9 тысяч (см. Петров С., «Пугачев в Пензенском крае», 2-е изд., Пенза, 1956).

Эти краеведческие данные и рассказ «Пугачев в Пензе» следует использовать на уроке «Крестьянская война под предводительством Е. Пугачева» и в работе краеведческого кружка; рассказ рекомендуется также для внеклассного чтения учащихся. Надо обратить внимание детей на то, что восстание под руководством Пугачева на правом берегу Волги было самым грозным этапом крестьянской войны.

СУВОРОВ В СВОЕЙ ВОТЧИНЕ

В основу рассказа взяты сведения из книг: К. Осипов «Александр Васильевич Суворов», Воениздат, М., 1955 и Н. Рыбкин «Генерал-лиссимус Суворов. Жизнь его в своих вотчинах и хозяйственная деятельность», М. 1874 г.

Суворов приезжал в Маровку в 1775, 1791 гг. и еще один раз — уже незадолго до смерти.

В Маровке много лет бережно сохраняли домик, в котором останавливался фельдмаршал, но в 1864 году домик сгорел. В 1900 г. Маровка переименована в село Суворово.

Посреди села стоит памятник великому полководцу, открытый во время Великой Отечественной войны в 1942 году.

Включение рассказа «Суворов в своей вотчине» в книгу для чтения имеет целью помочь учителю не допустить в умах детей идеализации и создания своеобразного «культа личности» Суворова. Дети должны понять, что великий полководец был человеком своей эпохи, своего класса, мировоззрение его не поднималось до антикрепостнических идей, как, например, у его современника Радищева.

Рассказ может быть использован на уроках «Внешняя политика России во 2-й половине 18 века» и во внеклассном чтении.

В 1812 ГОДУ

В основу рассказа положена работа В. Ермолаева «Пензенский край в Отечественной войне 1812 г.», Пенза, 1945 г. и «Бунт ополчения в 1812 г.» (из книги «Бунт военных поселян в 1831 г.», СПб, 1870).

Можно привести детям текст приказа, отмечающего доблесть пензенских ополченцев:

Приказ по армии.

Главная квартира. Город Кольбе. Ноября 3 дня 1813 года № 84.
Пензенский конно-казачий полк, будучи 27 числа минувшего

октября в деле против неприятеля, ввиду войск, бывших в сем действии, пошел в атаку на неприятельскую пехоту в колонне шедшего. расстронв оную взяв одно орудие — подвиг таковой и отличие сего полка может служить примером кавалерии.

Подписал генерал от кавалерии граф Бенингсен. (В. Ермолаев. «Пензенский край в Отечественной войне 1812 г.», Пенза, 1945).

Тема «Заграничный поход русской армии в 1813—1814 годах» не входит в программу восьмилетней школы, поэтому очерк может быть использован учителем на уроке лишь в первой его части (о помощи Пензенского края русской армии в 1812 году): в целом же материал очерка рекомендуется для домашнего чтения учащихся и для подготовки доклада в историческом кружке.

СЛУЧАИ В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Это отрывок из повести Т. Толстой «Детство Лермонтова». Текст дан с небольшими сокращениями. Читая его, учащиеся ярко представят себе картину быта крепостных крестьян в Пензенском крае в начале 19 века, увидят, как с детских лет западали в душу мальчика Лермонтова впечатления, определившие в дальнейшем характер его свобододолюбивой поэзии.

В Пензенском крае Лермонтов провел детство: его привезли в 1815 году в Тарханы шестимесячным ребенком, а уехал он из Тархан в 1827 году в Москву учиться и впоследствии много раз приезжал в Тарханы. С Тарханами связаны многие поэтические творения Лермонтова; здесь он писал «Песню про купца Калашникова», «Маскарад» и некоторые другие произведения. В апреле 1842 года свинцовый гроб с телом Лермонтова был перевезен из Пятигорска в Тарханы и похоронен в склепе под часовней, рядом с могилой матери и деда. В 1939 году в Тарханах был открыт Лермонтовский музей, а село переименовано в Лермонтово.

Рассказ «Случай в день рождения» может быть использован на уроке «Культура России в первой половине 19 века» и рекомендован для домашнего чтения.

В. Г. БЕЛИНСКИЙ И ПЕНЗЕНСКИЙ КРАЙ

Очерк написан по материалам музея В. Г. Белинского. При использовании этого материала следует рассказать подробнее о музее великого критика и организовать посещение его учащимися.

Материал очерка может быть использован во внеклассной работе и для самостоятельного чтения учащихся. По вопросу о связях В. Г. Белинского с Пензенским краем см. также:

1. В. Г. Белинский. Сборник статей и документов к биографии великого критика. Пенза, кн. изд., 1948 г.;
2. На родине Белинского. Сборник. Пенза, кн. изд., 1961 г.;
3. П. Максяшев. Наш Белинский. Пенза, кн. изд. 1961 г.;
4. К. Д. Вишневский. Белинский и пензенская общественность. В кн. «В. Г. Белинский. Сборник статей, посвященный 150-летию со дня рождения». Пенза, кн. изд., 1961 г.;
5. Райхин. Белинский в школе. Изд. 3-е, М., 1960 г.

ВОЛНЕНИЯ НА АВГОРСКОМ ЗАВОДЕ

Очерк написан по кн. А. Дергачева «Крестьянское движение в Пензенской губернии накануне реформы 1861 года», Пенза, 1958 г.

К концу пятидесятых годов 19 века экономика Пензенской губернии, несмотря на ее сравнительную отсталость, уже явно отражала развитие в крае капиталистических отношений. Об этом свидетельствует рост промышленных предприятий. Если в 1816 году их насчитывалось в губернии всего 76, то к концу 50-х годов—уже 130; общее количество рабочих в крае достигало почти 19 тысяч, из них 45 процентов было уже вольнонаемными (по подсчетам А. Дергачева). Содержание очерка отражает одно из наиболее крупных волнений рабочих людей в Пензенском крае накануне отмены крепостного права.

Материал очерка может быть использован на уроке «Падение крепостного права в России» как свидетельство подъема активности народных масс, вырвавших реформу 1861 года из рук правительства. Очерк рекомендуется также для внеклассного чтения.

ЧЕРНОГАЙ-КАНДИЕВСКОЕ ВОССТАНИЕ

В основу рассказа положен материал книг: Я. И. Линькова «Очерк истории крестьянского движения в России в 1825—1861 годах», Учпедгиз, 1952; В. Шварева «Кандиевское восстание», Пенза, 1955 г., а также статья А. И. Герцена «Ископаемый епископ, допотопное правительство и обманутый народ» («Колокол», № 105, стр. 878).

Отрывок из этой статьи Герцена имеется также в «Хрестоматии СССР», том III, Учпедгиз, 1948, М., стр. 79—80.

Кандиевское восстание было самым крупным из двух тысяч восстаний и волнений, прокатившихся по стране с 1861 по 1863 год.

На события в Пензенской губернии «Колокол» отозвался немедленно: в номере от 15 мая 1861 г. появилась статья «Русская кровь льется» — о том, что «...в Пензенской губернии, в Чембарском уезде, восстали крестьяне вотчин гр. Уварова» и о первом столкновении их

с войсками правительства. 4 июля в номере 102 была напечатана большая статья «Убийства в Пензенской губернии» — о расстреле в Кандиевке. В номере 103 от 15 июля — точные копии телеграммы Дренякина, посланной 16 апреля шефу жандармов князю Долгорукому и ответ Долгорукого: «Вам высочайше предоставлено решать дело о виновных по вашему суду» (через час после получения этой депеши и начался расстрел, а затем расправа). В этом же номере были помещены копии телеграмм Дренякина царю — от 18 апреля об усмирении Кандиевки и от 22 апреля с поздравлением с праздником пасхи и донесением, что в Пензенской губернии «все приходит в желанный порядок».

Появление этих телеграмм в «Колоколе» вызвало страшный переполох в Петербурге: пензенским жандармам и тайным агентам III отделения было дано задание во что бы то ни стало найти, кто послал в «Колокол» копии правительственных телеграмм. Два года шли поиски, два года длилась переписка и, в конце концов, пензенские ищейки корпуса жандармов с горестью сообщили начальнику III отделения, что пензенских корреспондентов «Колокола» так и не удалось найти.

В «Колоколе» же в номере 104 от 1 августа 1861 г. снова появилась статья Герцена о том, что «...храбрый Дренякин представлял награде «молодцов», убивших крестьян... Чем же их наградить? Надобно выписать австрийские или прусские кресты—не русскими же награждать за русскую кровь!»—гневно писал Герцен.

Рассказ «Черногай-Кандиевское восстание» следует использовать на уроке «Падение крепостного права в России», в работе краеведческого кружка и во внеклассном чтении.

«УСТАВНУЮ ГРАМОТУ НЕ ПРИНИМАЕМ»

Рассказ написан на основе архивных материалов Пензенского областного государственного архива, фонд 5, дело 4055 (см. также Н. Никольская «Из истории крестьянского движения в 1862 году в Пензенской губернии» в кн. «Ученые записки» Пензенского педагогического института, вып. V, Пенза, 1958). Краткие сведения о сопротивлении села Назарьевки есть также в кн. «Отмена крепостного права». Доклады министров внутренних дел.. Издательство Академии наук СССР, М—Л., 1950, стр. 158, 179, 185 и 236.

Проведение в жизнь реформы 1861 года и началось с составления уставных грамот по каждому селению, это ярко показало крестьянству степень ограбления его реформой: так, в Пензенской губернии наделы крестьян уменьшились в среднем с 2,8 десятины до 2,2 десятины на душу, т. е. на 25—28 процентов, причем, разумеется,

помещики оставили себе всю лучшую землю. На «дарственный» или «кошачий» надел ($\frac{1}{4}$ высшего) было переведено 15 тысяч крестьян; шестнадцать тысяч дворовых совсем не получили земли; до выкупа земли «временно обязанные» крестьяне должны были по-прежнему ходить на барщину и отрабатывать за каждый надел в летнее время в неделю «3 дня мужских и два женских» (данные В. Шварева).

Упорное сопротивление введению уставной грамоты крестьян села Назарьевки является частью широкого общероссийского движения крестьянства против уставных грамот: 3 миллиона 913 тысяч душ крестьян отказались подписать уставные грамоты из общего количества 6 миллионов 747 тыс. душ из имений, на территории которых они вводились в действие, т. е. значительно больше половины крестьян оказали сопротивление введению уставных грамот. (См. Я. И. Линьков—указанное сочинение, стр. 248 и 267). В Пензенской же губернии движение против уставных грамот удалось усмирить только применением воинской силы, причем применять ее пришлось в шести селениях губернии.

Данный очерк преподаватель может использовать при изучении темы «Падение крепостного права в России» и рекомендовать его для внеклассного чтения.

ПЕРВЫЙ ВЫСТРЕЛ В ЦАРЯ

Рассказ написан на основе следующих материалов: «Библиотека освободительного движения» под редакцией С. М. Проппера... Кружок Ишутина. — Каракозовцы. СПб, 1907; записки П. А. Черевина «Новые материалы по делу каракозовцев», Кострома, 1918; А. А. Шитлов, «Каракозов и покушение 4 апреля 1866 года» Госиздат, Петроград, 1920 г.; И. Федоров «Выдающиеся учителя и просветители Пензенской губернии», Пенза, 1958 г.

На царя Александра II было совершено всего 11 покушений (из них одно — за границей). Начиная с 4/IV 1866 года, с выстрела Каракозова, «царь-освободитель» в течение пятнадцати лет жил под страхом покушений со стороны революционеров и 1 марта 1881 года был убит народовольцами.

Рассказ может быть использован в связи с темой «Революционное движение в России в 70—80-х годах 19 века». Рекомендуются, главным образом, для внеклассного чтения; предварительно следует подчеркнуть детям мысль об ошибочности тактики индивидуального террора.

Не лишена интереса такая деталь. В «Колоколе» 1 марта 1867 г. появилась полная язвительной иронии заметка Герцена «Перемена фамилии».

Вот ее текст:

«Е. И. В... высочайше соизволил поручику Михаилу Каракозову (председателю Саратовской губернской земской управы) предоставить ему... принять фамилию Михайлова-Рославлева... Мы полагаем, что после этого будут также просить дозволения на перемену фамилий князя Барятинские, Орлов-Давыдов и другие, причинившие Петру III «колику в животе» (см. Манифест 4/VII 1762 г.), прекратившую его жизнь, а также князя Волконские, Путятины, графы Палены, Зубовы (следует 19 фамилий—*Н. Н.*), предки которых причинили императору Павлу I «апоплексический удар» (см. Манифест 12/III 1801 г.), низведший его в могилу...»

ИЛЬЯ НИКОЛАЕВИЧ УЛЬЯНОВ

Рассказ об отце В. И. Ленина представляет собой отрывок из романа-хроники М. С. Шагинян «Семья Ульяновых», изд. «Молодая гвардия», М., 1958. Текст дан с значительными сокращениями. Сведения о жизни И. Н. Ульянова в Пензе имеются также в кн. И. Федорова «Выдающиеся учителя и просветители Пензенской губернии», Пенза, 1958.

Илья Николаевич Ульянов был назначен старшим учителем физики и математики Пензенского дворянского института сразу после окончания им Казанского университета — 7 мая 1855 года. В Пензенском краеведческом музее можно видеть электрофорную машину и ртутный барометр, которыми пользовался на уроках Илья Николаевич. Мать В. И. Ленина — Мария Александровна Бланк родилась в Петербурге в семье врача; с двенадцатилетнего возраста жила в селе Кокушкине под Казанью в небольшом имении отца.

В Пензу Мария Александровна приехала осенью 1861 года к своей сестре Ание Александровне Веретенниковой.

Из Пензенской губернии происходила и няня В. И. Ульянова крестьянка села Ломовки Мокшанского уезда Варвара Григорьевна Сарбатова, которую маленький Володя Ульянов очень любил и из рассказов которой впервые узнал о тяжелой жизни русского крестьянства.

Теперь в здании, где работал учителем Илья Николаевич Ульянов, помещается школа № 1; на здании ее висит мемориальная доска с надписью: «С 7 мая 1855 года по 22 июня 1863 года здесь работал учителем Илья Николаевич Ульянов—отец В. И. Ленина».

Рассказ об И. Н. Ульянове следует использовать на уроках на тему «Культура России во 2-й половине 19 века».

В КОНЦЕ ПРОШЛОГО ВЕКА

Это отрывок из воспоминаний Б. Сорокина «Красногвардейцы Пензы», Пензен. книж. изд., 1957 г. О развитии промышленности и положении рабочего класса в Пензенском крае в период капитализма см. также:

П. Г. Сумерин, «Промышленность Пензенской губернии в дореволюционный период» в кн. «Ученые записки Пензенского пединститута», выпуск 5-й, Пенза, 1958 г.

А. З. Кузьмин, «Крестьянское движение в Пензенской губернии в 1905—1907 гг.», гл. I, «Промышленное развитие и положение рабочих», Пенза, 1955 г.

Развитие капитализма в Пензенском крае ознаменовалось прежде всего постройкой железных дорог, прорезавших территорию края в разных направлениях: в 1874 г. было открыто движение по Сызрано-Вяземской железной дороге; через 20 лет в 1895 году началось движение по линии Пенза—Рузаевка, а в 1896 году—по линии Пенза—Сердобск. В 1898 году пошли поезда по линиям Рузаевка—Сызрань и Рузаевка—Пенза—Симбирск.

Однако до конца XIX века Пензенская губерния оставалась отсталым аграрным краем с незначительным развитием крупной промышленности и преобладанием мелкого производства. В 1897 году городское население губернии составляло всего 9,3 процента, а сельское 90,7 процента. Губерния давала менее чем полпроцента всей промышленной продукции страны. Наиболее крупными предприятиями края были: хрустальный завод в Николо-Пестравке, суконная фабрика в Большой Луке Керенского уезда,¹ спичечная фабрика в Нижнем Ломове, писчебумажная фабрика Сергеева, механический завод Кракка и Пензенские железнодорожные мастерские. После отмены крепостного права в течение четверти века в Пензенском крае наблюдалось сокращение фабрик и заводов (закрывалась часть предприятий, основанных на крепостном труде), и только в 90-е годы девятнадцатого века начинается общий рост фабрик и заводов: в 1865 году их было 126; в 1899 г. стало 141.

В самом городе Пензе рост рабочего класса шел также медленно: незадолго до реформы на пятнадцати наиболее крупных предприятиях города насчитывалось только 737 рабочих, в том числе на писчебумажной фабрике Сергеева 810 человек. А через сорок с лишним лет, в 1901 г. число крупных предприятий выросло до 31, а количество рабочих на них до 1684, в том числе на фабрике Сергеева до

¹ Теперь — Земетчинского района.

830 человек. Главной причиной резкого отставания промышленного развития Пензенского края было наличие сильнейших пережитков крепостничества в нем. Рабочие Пензенской губернии были одним из малочисленных и слабо организованных отрядов рабочего класса России. Первая стачка рабочих в Пензенской губернии отмечается только в 1899 году и всего с 60-ю участниками.

Отрывок «В конце прошлого века» может быть использован на уроках «Развитие капитализма в России после падения крепостного права» и «Рабочий класс — вождь революционного движения», а также рекомендован для домашнего чтения.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Наш край в древности — Н. Никольская <i>(по книге М. Полесских)</i>	3
II. Наш край в период феодализма	6
Битва на Мокше — В. Лебедев	6
На страже родной страны — В. Лебедев	7
Засечные черты — В. Лебедев	10
Пензенский Черкасский острог — В. Лебедев	12
Крепость на реке Пензе — В. Лебедев	14
Начало помещичьего гнета — В. Лебедев	19
В борьбе за свободу — В. Лебедев	20
Пензенский край в XVIII веке — Н. Никольская	25
Детство Радищева — К. Муратов	28
Подвиг Радищева — Н. Никольская <i>(по книге К. Муратова)</i>	35
Суворов в своей вотчине — Н. Никольская	41
Пугачев в Пензе — В. Шишков	45
В. 1812 году — Н. Никольская	51
Случай в день рождения <i>(из жизни Миши Лермонтова)</i> — Т. Толстая	56
В. Г. Белинский и Пензенский край — Н. Кулагин	64
Волнения на Авгорском заводе — Н. Никольская <i>(по книге А. Дергачева)</i>	69
III. Наш край в эпоху зарождения и развития капитализма	71
Кандиевское восстание — Н. Никольская	71
«Уставную грамоту не принимаем!» — Н. Никольская	76
Первый выстрел в царя — Е. Колеганов	80
Илья Николаевич Ульянов — М. Шагинян	86
В конце прошлого века — Б. Сорокин	94
Примечания	100

Редактор Е. Данилина.

Обложка художника П. Милосердова.
Технический редактор Е. Воронкова. Корректор А. Храмова.

Сдано в набор 5/V-1963 г. Подписано к печати 23/VII-1963 г.
Формат 84 × 108^{1/32}. Объем: п. л. 3,625, услов. печ. л. 5,94,
уч.-изд. л. 6,2. Тираж 1000. ФЛ02501. Изд. № 65.
Пензенское книжное издательство
Пенза, улица Кирова, 65.

Заказ 5530. Типография издательства газеты «Пензенская правда».
Цена 19 коп.

Цена 19 коп.